Babushka Marfa, ili,
Za Bogom molitva

Moskva

1899

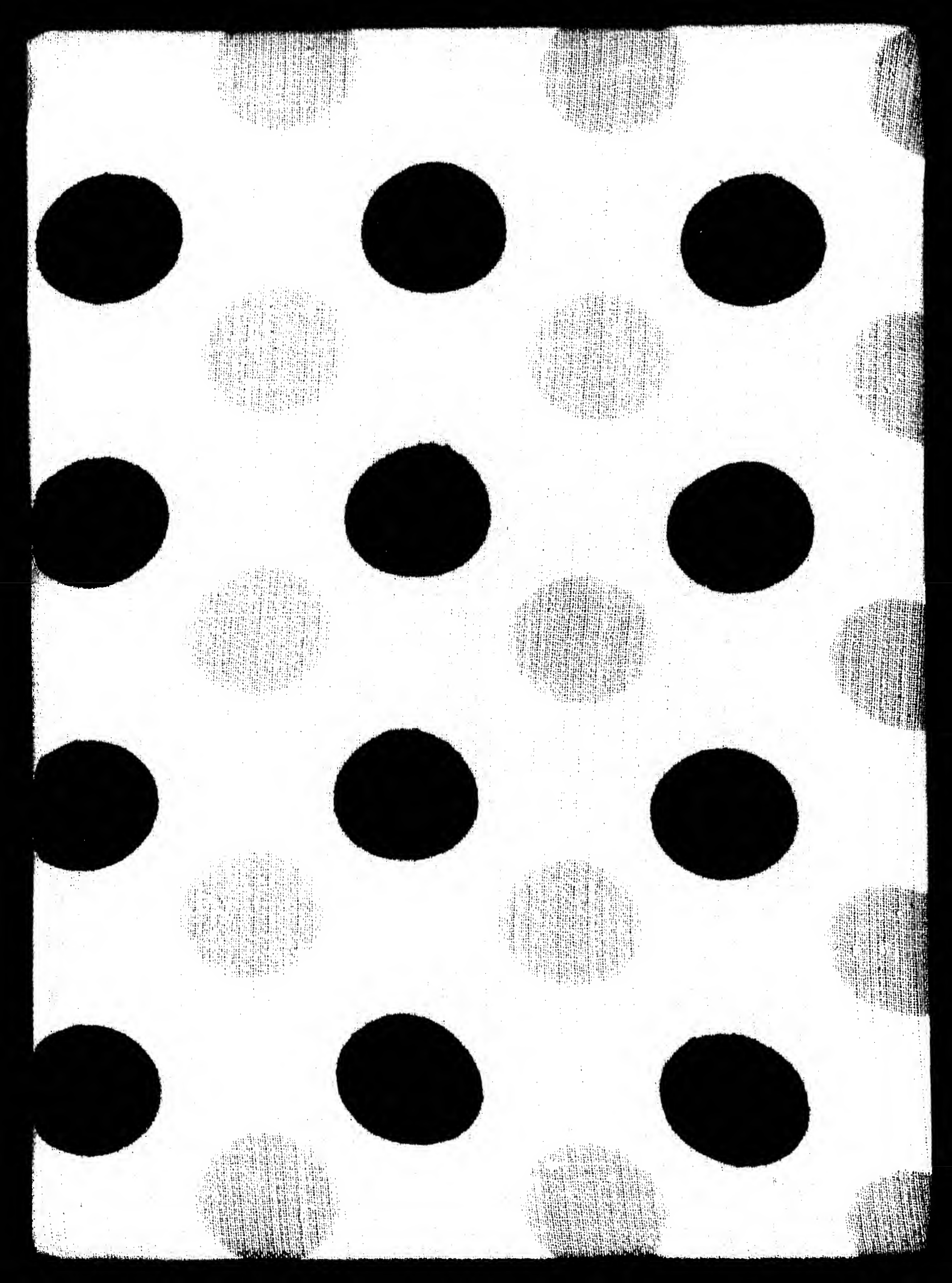
Reel: 51 Title: 10

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00051.10

Control Number: BGQ-6683
OCLC Number : 25475387
Call Number : W 381.5917N B118
Title : Babushka Marfa, ili, Za Bogom molitva, a za tsarem sluzhba ne propadaiut : razskaz v dvukh chastiakh : iz vremen tsarstvovaniia Imperatora Aleksandra Blagoslovennago.
Imprint : Moskva : Izdanie A.D. Sazonova, 1899.
Format : 107 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustration on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Russia History Alexander I, 1801-1825 Fiction.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

БАБУШКА МАРѲА.

РАЗСКАЗЪ.

БАБУШКА МАРѲА

или

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

РАЗСКАЗЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изъ временъ царствованія Императора Александра Благословеннаго.

Изданіе книгопродавца А. Д. Сазонова.

МОСКВА.
Типо-лит. Д. А. Бончъ-Бруевича, Кузнецкій мостъ, д. кн. Голицына.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 1 мая 1899 г.

БАБУШКА МАРѲА

или

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Царь Благословенный.

Издавна на Руси принято называть ея державныхъ вѣнценосцевъ отцами народа, ввѣреннаго имъ Самимъ Богомъ. Куда бы мы ни пошли по необъятной матушкѣ Россіи, вездѣ мы можемъ услышать выраженія вродѣ слѣдующихъ: „Царь-Батюшка“; „Царь, отецъ нашъ“.

Да и какъ же иначе назвать царей, которые всю жизнь свою отдаютъ на благо своихъ подданныхъ?!

Никакое названіе такъ не подходитъ къ этимъ помазанникамъ Божіимъ, какъ именно: царь батюшка, царь отецъ, потому что любовь ихъ къ своимъ подданнымъ можно сравнить развѣ только съ любовью отца къ своимъ дѣтямъ.

Случай, о которомъ мы будемъ говорить въ этой книжкѣ, относится къ царствованію госу-

даря Императора Александра Павловича, котораго исторія за всѣ его добрыя душевныя качества наименовала „Благословеннымъ“.

Воистину благословеннымъ былъ этотъ добрѣйшій и человѣколюбивѣйшій монархъ русскій.

Онъ былъ сыномъ государя императора Павла Петровича и любимымъ внукомъ императрицы Екатерины Великой. Мудрая императрица Екатерина Великая сама занималась воспитаніемъ своего любимаго внука, и плодомъ этого воспитанія было то обстоятельство, что императора Александра Павловича назвала „Благословеннымъ“ не только Россія, но и вся Европа, а за нею и цѣлый свѣтъ.

Много можно привести примѣровъ истинно отеческой любви, выказанной этимъ государемъ по отношенію къ своимъ подданнымъ: онъ радовался радостями своихъ подданныхъ и горевалъ ихъ горемъ и къ нему всецѣло примѣнялось выраженіе, что русскій царь и народъ русскій составляютъ одно цѣлое.

Но не однимъ только своимъ подданнымъ дѣлалъ благодѣянія этотъ человѣколюбивѣйшій монархъ; глубоко, всѣмъ сердцемъ своимъ вѣрилъ онъ въ Бога и старался своими поступ-

ками показать примѣръ исполненія Евангельскихъ заповѣдей.

„Любите враговъ вашихъ, сказано въ св. Евангеліи, и воздавайте добромъ за зло...“ Посмотрите теперь, какъ исполнилъ Благословенный эту заповѣдь, данную намъ нашимъ Спасителемъ, по отношенію къ французамъ, надѣлавшимъ такъ много бѣдъ и несчастій въ Россіи въ 1812 году.

Французскій императоръ Наполеонъ, легко покоривъ подъ свою власть множество народовъ, задумалъ наконецъ покорить и Россію; съ этой цѣлью онъ собралъ громадное войско, состоявшее изъ войскъ всѣхъ покоренныхъ имъ народовъ и повелъ это чуть ли не милліонное войско на Россію. Вторгнувшись въ предѣлы Россіи, Наполеонъ шелъ до самой Москвы, подвергая разоренію и уничтоженію все, попадавшееся ему на пути. Изъ Москвы же онъ, мучимый голодомъ и тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими, принужденъ былъ удалиться. И вотъ въ безсильной злобѣ своей на русскихъ за то, что они, какъ вѣрные сыны своего отечества, не попустили ему быть въ рукахъ непріятеля, Наполеонъ передъ выходомъ изъ Москвы, разграбивъ и разоривъ

ее совершенно далъ, приказъ взорвать московскій кремль.

И вотъ когда русскіе, принудивъ Наполеона выйти изъ Москвы, погнали назадъ остатки великой наполеоновской арміи и подступили къ стѣнамъ Парижа, то жители этого богатѣйшаго города думали со страхомъ о томъ, что подступившіе къ стѣнамъ ихъ города русскіе будутъ мстить имъ за Москву и такъ же разорять Парижъ, какъ Наполеонъ разорилъ Москву.

Но къ величайшему удивленію всѣхъ и къ величайшей радости жителей Парижа императоръ Александръ отдалъ приказъ, чтобы войска ничего не разрушали въ городѣ и не обижали бы его беззащитныхъ жителей.

Французы не знали, какъ благодарить русскаго монарха за сей великодушный поступокъ, и когда императоръ появился въ столицѣ Франціи, то отовсюду раздались крики восторга и благодарности во множествѣ собравшихся французовъ.

Но монархъ русскій на всѣ эти шумныя изъявленія благодарности со стороны парижанъ, скромно отвѣтилъ, что онъ воюетъ съ Наполеономъ, а не съ Франціей, которая ни въ чемъ не виновата.

Этотъ великодушный монархъ имѣлъ привычку часто посѣщать хижины бѣдныхъ поселянъ, внося съ собою въ эти хижины радость и счастіе, и теперь еще во многихъ мѣстахъ Новгородской губерніи, особенно тамъ, гдѣ прежде были такъ называемыя военныя поселенія, хранятся, какъ драгоцѣнности семейные, сарафаны пожалованные императоромъ Александромъ Павловичемъ женамъ военныхъ поселенцевъ.

Объ одномъ изъ такихъ посѣщеній Благословеннымъ императоромъ бѣдняковъ и о томъ, какія послѣдствія были, благодаря этому посѣщенію, мы и намѣрены разсказать въ этомъ разсказѣ.

Но прежде чѣмъ начать намъ разсказъ, мы кинемъ бѣглый взглядъ на то положеніе, въ какомъ находилась Россія въ то время, въ которому относится этотъ разсказъ.

Это было вскорѣ послѣ Отечественной войны 1812 года; русскія войска побывали уже и въ Парижѣ, Наполеонъ былъ побѣжденъ окончательно и, какъ человѣкъ не могущій жить тихо и въ мирѣ съ другимъ и всегда стремящійся къ войнамъ и несправедливымъ захватамъ, а потому и мѣшающій общему покою, былъ по приговору властителей европей-

скихъ сосланъ для житья на необитаемый островъ, называющійся Еленой.

И такъ, какъ и всѣ европейскія державы, Россія была совершенно спокойна со стороны внѣшней безопасности, но у нея было много заботъ о внутреннемъ благоустройствѣ, сильно нарушеннымъ приходомъ Наполеона съ его громадной арміей.

Конечно, Россія не только вскорѣ оправилась, но стала еще богаче и могущественнѣе, и ударъ врага не только не ослабилъ, но еще укрѣпилъ наше отечество, такъ что совершенно справедливы слова объ этомъ одного русскаго поэта:

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Но все-таки для того, чтобы поправиться, Россіи было необходимо нѣкоторое время; въ первое же время по изгнаніи Наполеона изъ Россіи ее можно было раздѣлить ва двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Одна часть и притомъ часть большая состояла изъ тѣхъ губерній, по которымъ не приходилось проходить непріятельской арміи, ничѣмъ не могла подать повода къ догадкамъ, что Россія еще такъ недавно подвергалась страшному

нашествію непріятелей: все въ этой части Россіи было по прежнему, какъ и всегда. Но совсѣмъ другой видъ прерставляла та часть Россіи, по которой дважды пришлось пройти непріятелю; тамъ было полнѣйшее опустошеніе, которому особенно подвергались губерніи Московская, Смоленская и часть губерніи Калужской. Во многихъ мѣстахъ этихъ губерній жители были лишены и крова и пищи, такъ что не даромъ поется въ одной русской пѣснѣ, что разорена путь дорожка отъ Можаяв до Москвы.

На благоустройство тѣхъ мѣстностей, которыя особенно потерпѣли отъ непріятельскаго нашествія и было обращено особое, усиленное вниманіе правительства, и принимались различныя мѣры къ обезпеченію жителей этихъ мѣстностей.

ГЛАВА II.

Прошлое Марѳы.

Ярославская губернія была совсѣмъ не по пути непріятеля, поэтому она нисколько не потерпѣла отъ нашествія непріятельскаго.

Ярославцы теперь, сидя по долгимъ зимнимъ вечерамъ въ своихъ избушкахъ, а лѣтомъ на завалинкахъ, только слушали разсказы бывалыхъ и много видѣвшихъ людей о французахъ, о Наполеонѣ и объ его великой арміи.

Слушали ярославцы о томъ, какіе ужасы творились по пути шествія французской арміи и въ душѣ благодарили Бога за то, что онъ не допустилъ и ихъ мѣстность подвергнуться всѣмъ ужасамъ непріятельскаго нашествія. Частенько велись такіе разговоры и въ одной изъ подгородныхъ слободъ ярославской губерніи, въ слободѣ Покровской. Слобода Покров-

кая была богатая торговая слобода и уже однимъ только внѣшнимъ видомъ своимъ производила очень пріятное впечатлѣніе на каждаго проѣзжающаго или проходящаго по ней. Длинный рядъ построекъ тянулся по обѣимъ сторонамъ слободы; и все это были очень крѣпкія, очень солидныя постройки; было между ними много двухъэтажныхъ и крытыхъ желѣзомъ. Отрадно было всякому православному христіанину посмотрѣть и на храмъ Покровскій, большой, трехпрестольный съ высокою колокольнею, на которой висѣли такіе колокола, которые славились по цѣлому уѣзду. Не даромъ покровцы говорили съ гордостью, что храмъ ихъ могъ бы быть соборомъ въ любомъ уѣздномъ городѣ.

Посреди слободы было нѣсколько торговыхъ заведеній, которыя по своей обстановкѣ и по обилію и по разнообразію, находящагося въ нихъ товара также болѣе походили на городскія, нежели на деревенскія или сельскія торговли.

И вотъ въ такой-то богатой слободѣ, всѣ постройки которой отличались или новизною или богатствомъ и крѣпостью, невольно обращала на себя вниманіе одна бѣдная, пребѣдная избушка, стоящая на самомъ выѣздѣ изъ

слободы. Кажется и придумать ничего нельзя было бѣднѣе этой избушки. Она на половину вросла въ землю и готова была развалиться на всѣ стороны, ветхія стѣны ея по всей вѣроятности давали полнѣйшій доступъ въ нее вѣтру; солома, которой когда-то вѣроятно очень давно была покрыта крыша, мѣстами была повыдергана вѣтромъ, мѣстами же сгнила отъ различныхъ непогодъ и имѣла какой-то черно-бурый цвѣтъ; трубы на избушкѣ не было, такъ какъ топилась она по черному; стекла же въ единственномъ маленькомъ покосившемся окошкѣ избушки почти что всѣ были замѣнены какимъ-то грязнымъ тряпьемъ, которымъ были заткнуты отверстія въ оконной рамѣ. Невольно каждый изъ незнакомыхъ съ жизнію обитателей избушки задавался вопросомъ о томъ, какъ такое рядомъ съ такимъ достаткомъ и съ такою зажиточностью можетъ быть и такая вопіющая нужда.

Въ избушкѣ этой жила одна старушка, которую какъ въ самой Покровской слободѣ, такъ и далеко по окрестностямъ никто не называлъ иначе какъ „бабушкой Мароой".

Кто же такое была бабушка Маоа и какимъ образомъ судьба загнала ее въ такую ветхую избушку? Лѣтъ тридцать назадъ, если

считать отъ того времени, къ которому относится нашъ разсказъ, въ слободѣ Покровской жилъ одинъ очень зажиточный поселянинъ Провъ Ивановичъ Малышевъ. Дѣла его шли очень недурно, но съ теченіемъ времени они стали ухудшаться; однако несмотря на ухудшеніе своихъ дѣлъ Провъ Ивановичъ оставилъ послѣ смерти своей своимъ тремъ сыновьямъ еще очень недурной домикъ и нѣкоторое хозяйство.

Стали братья жить послѣ смерти своего отца довольно дружно и вскорѣ всѣ трое поженились. Изъ всѣхъ братьевъ особенною расторопностью, особенною смекалкою и особеннымъ трудолюбіемъ отличался среднiй братъ, по имени Иванъ. Онъ не только въ то время, когда бывалъ въ домѣ, работалъ одинъ за двоихъ, но и когда бывалъ въ столицахъ на отхожихъ промыслахъ, то очень много, на крестьянскій взглядъ, помогалъ въ домъ, посылая туда на имя старшаго брата всѣ свои заработки и только изрѣдка удѣляя что-нибудь изъ своихъ заработковъ на покупку обновокъ для своей жены Марѳы и для своихъ маленькихъ ребятишекъ.

— Ты на меня, Маръѳуша, не сердись!— говаривалъ Иванъ Провичъ, когда возвращал-

ся изъ отхожихъ промысловъ домой: не сердись на меня, Мареуша, что я все посылаю въ домъ, а тебѣ удѣляю не много. Сама знаешь, что насъ трое братьевъ недѣленыхъ и должны мы поэтому пока работать въ одну мошну. Всѣ трое мы женатые, а потому недурно бы намъ къ этому-то домику пристроить еще два домика да и разселиться всѣмъ попросторнѣе. Тогда общее хозяйство у насъ такъ и будетъ общимъ хозяйствомъ, а о своемъ домикѣ каждый будетъ заботиться отдѣльно и погляди-ка, какъ ладно, если Богъ приведетъ, мы заживемъ тогда.

— Полно тебѣ безпокоиться, Ванюша, уговаривала Мареа своего мужа,—развѣ я не понимаю, что о домѣ всѣмъ вамъ надо заботиться сообща и развѣ упрекала я когда-нибудь тебя въ томъ, что ты помогаешь въ домъ. Да и своя семья у тебя не обижена: я и ребятишки наши не ходимъ какими-нибудь оборвышами; а къ роскоши да къ излишествамъ я не привыкла; самъ ты знаешь, что взялъ меня не изъ богатой семьи, ребятишки же пока малы и въ роскоши толка никакого не понимаютъ; да и пріучать ихъ къ этому не стоитъ! Такъ отвѣчала всегда любящая своего мужа и отличавшаяся необыкновенно

кроткимъ и миролюбивымъ характеромъ Мароа на извиненія своего мужа въ томъ, что онъ тратитъ слишкомъ много денегъ для поддержанія общаго хозяйства.

И отвѣты эти не были отвѣтами лицемѣрными, а были совершенно искренни, такъ какъ Мароа не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ доказывала что она совершенно сочувствуетъ желанію мужа поддержать общее хозяйство. Никто изъ невѣстокъ такъ много не работалъ и такъ много не заботился о хозяйствѣ, какъ Мароа, несмотря на то, что ни у кого изъ невѣстокъ не было столькихъ ребятишекъ, какъ у Мароы и, казалось бы, что Мароа изо всѣхъ невѣстокъ можетъ удѣлить менѣе всего времени для занятія по хозяйству.

Мароу хвалили не только сосѣди и сосѣдки, видѣвшіе ее постоянно за работою, но, что всего важнѣе, хвалили братья мужа, и даже ихъ невѣстки въ глаза и за глаза называли Мароу образцовой работницей. Это очень рѣдкое явленіе въ жизни не только деревень и поселковъ но даже и городовъ, такъ какъ по большей части въ семьѣ, гдѣ есть двѣ или нѣсколько невѣстокъ, одна изъ нихъ обыкновенно бываетъ чѣмъ-нибудь не-

довольна другою, и между ними идутъ или открытыя ссоры или что того хуже таится скрываемая, глухая ненависть.

Съ своей стороны Марѳа, видя ту признательность, съ которой обращались къ ней невѣстки, была совершенно довольна своимъ положеніемъ и нисколько не думала жаловаться на трудность работы, тѣмъ болѣе, что она, родившись въ небогатой семьѣ, привыкла, съ малолѣтства привыкла къ работѣ и пользуясь очень недурнымъ здоровьемъ могла дѣйствительно работать по долгу не уставая.

Такимъ образомъ жизнь въ домѣ покойнаго Прова Ивановича текла мирно, и тишина въ семьяхъ трехъ братьевъ ничѣмъ не нарушалось, такъ что сосѣди завидовали этому дому и, ставя его въ примѣръ прочимъ, брали съ него примѣръ и для себя. Благословилъ Господь Богъ семью покойнаго Прова Ивановича,—говоривали бывало сосѣди,—ишь вѣдь какъ ладно живутъ!—Сказываютъ люди, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, а вотъ ихъ сколько Малышевыхъ-то живетъ, и то у нихъ не только какой-нибудь крупной ссоры не видать, а незамѣтно даже и мелкаго недоразумѣнія. Уменъ былъ покойный

Провъ Ивановичъ, нечего сказать, и воспиталъ своихъ дѣтей, какъ дай Богъ всякому!

Иванъ Провичъ получилъ какъ-то въ Москвѣ очень выгодное постоянное дѣло и съ тѣхъ поръ рѣдко началъ бывать въ слободѣ, куда пріѣзжалъ уже не для работы, а только для отдыха и для того, чтобы повидаться съ родными.

Работать же въ слободѣ Иванъ Провичъ находилъ для себя невыгоднымъ, такъ какъ работа въ Москвѣ оплачивалась гораздо лучше, и онъ работая въ Москвѣ, могъ быть гораздо полезнѣе для общаго хозяйства.

Пріѣхалъ какъ-то Иванъ Провичъ на обычную свою побывку въ слободу къ слободскому празднику Покрову.

— Ну, говоритъ между прочимъ Иванъ своей женѣ: теперь Мароуша намъ скоро полегче будетъ и мы побольше будемъ заботиться о своей семьѣ. Посчитался я съ братьми, такъ выходитъ, что мы весною поставимъ два новыхъ дома; старшій-то братъ хочетъ остаться въ этомъ домѣ; а мы съ младшимъ возьмемъ себѣ по новому!

— Ну и слава Тебѣ Господи, что помогъ Ты намъ такъ устроиться!—сказала Мароа.

Очень веселъ былъ Иванъ Провичъ въ

этотъ свой пріѣздъ, много шутилъ съ женою и игралъ съ ребятишками.

— Ишь ты вѣдь желанный какой! думала Мароа, съ любовію поглядывая на своего мужа: устроилъ общее семейное дѣло и теперь радуется, какъ ребенокъ маленькій.

Побылъ Иванъ Провичъ съ недѣлю и уѣхалъ изъ слободы тоже такимъ веселымъ, такимъ счастливымъ.

Проводила Мароа своего мужа, и таково-то грустно и скучно сдѣлалось ей, какъ никогда не бывало, хотя ей и приходилось провожать мужа изъ слободы въ Москву или Петербургъ не одинъ десятокъ разъ.

— Господи, что это такое со мною дѣлается?! думала Мароа: вѣдь никогда не бывало, чтобы я такъ тосковала, проводивъ мужа. Ужъ все ли ладно будетъ у моего Ванюши въ Москвѣ. Помоги ему, Господи, и сохрани его за простоту ради меня и маленькихъ ребятишекъ нашихъ!

День проходилъ за днемъ, а на сердцѣ у Мароы становилось тяжелѣе и скучнѣе. Не однократно она дождавшись, когда всѣ семейные уложатся и уложатъ своихъ ребятишекъ, становилась на колѣни передъ иконами и долго,

долго и усердно молилась Богу за отсутствующаго раба Божія Ивана.

Пришло вскорѣ отъ Ивана и письмо, въ которомъ онъ писалъ, что доѣхалъ до Москвы благополучно и благополучно же поступилъ на то мѣсто, на которомъ служилъ ранѣе и служитъ тамъ исправно.

Казалось бы, что послѣ полученія этого письма Мароѣ надо было бы вполнѣ успокоиться; но сердце ея по прежнему надрывалось объ отсутствующемъ мужѣ, и она почему-то предчувствовала недоброе.

И дѣйствительно предчуствіе не обмануло Мароу. Передъ Введеніемъ около дома Малышевыхъ неожиданно остановилась ямская тройка, и изъ кибитки вылѣзъ поддерживаемый ямщикомъ Иванъ Провичъ, онъ былъ закутанъ тулупомъ и большимъ платкомъ, такъ что лицо его пока разглядѣть было невозможно.

Жена и братья съ своими женами высыпали на крыльцо и помогли Ивану Провичу войти въ домъ; тамъ сняли съ него тулупъ; развернули платокъ, закрывавшій его лицо, да такъ всѣ и ахнули: на немъ, какъ говорится, лица не было, онъ былъ бѣлѣе и снѣга и полотна. Еле еле держась на ногахъ,

онъ подошелъ къ лавкѣ и опустился на нее, тяжело дыша.

— Голубчикъ, Ванюшка, что это съ тобою сталося и давно-ли? Не даромъ я все это время тосковала и думала о тебѣ! спрашивала Мареа мужа.

— Недѣли три это со мной, отвѣчалъ Иванъ Провичъ, занедужилось что-то: жаръ сильный, а то иногда и въ ознобъ кидаетъ; а отъ ѣды совсѣмъ отбился, только хочется пить чего-нибудь покислѣе.

— А ты бы съ московскими-то докторами поговорилъ?

— Былъ и у доктора; лѣчилъ онъ меня сначала-то, а потомъ говоритъ: тебѣ на работѣ поправиться трудно, поѣзжай-ка ты и отдохни у себя дома; я тебѣ дамъ рецептъ, ты и покупай у себя на родинѣ лѣкарство по этому рецепту. Вынь-ка рецептъ-то Мареуша: онъ у меня въ боковомъ карманѣ, да побереги его, пошлемъ въ аптеку.

— Да отчего же это, мой милый, приключилось съ тобою, кажется, ты отъ насъ поѣхалъ такимъ здоровымъ и веселымъ? продолжала допрашивать Мареа мужа.

— А Богъ вѣсть отчего! Думаю что простудился на работѣ; а то больше, кажется,

не отчего! отвѣчалъ Иванъ; потомъ, подождавъ немного, попросилъ: Мароуша, ты, голубушка, постели мнѣ, пожалуйста, на печкѣ, а то меня очень сильно трясетъ!

Мароа совсѣхъ ногъ пустилась исполнять просьбу мужа, она мягко постелила ему на теплой печкѣ и натащила цѣлый ворохъ одежды и одѣялъ, чтобы прикрыть мужа потеплѣе. Помогла она, чуть сдерживая слезы, Ивану подняться съ лавки, подсадила его на печь, уложила его тамъ поудобнѣе, и сама сѣла около него.

— Закусить съ дороги-то не хочешь-ли, Ваня, чего?

— Вѣдь сказалъ я тебѣ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣчалъ ей Иванъ, сказалъ я тебѣ, что отъ ѣды совсѣмъ отбился. Если хочешь угодить, то принеси, пожалуйста, попить чего-нибудь покислѣе!

— Сейчасъ, мой голубчикъ! Мароа спрыгнула съ печи и отправилась въ погребъ, гдѣ достала клюквы, изъ которой и приготовила кислое питье для своего мужа.

Съ жадностью приникъ Иванъ къ поданному питью и долго, долго тянулъ его изъ кружки.

— Хорошо! сказалъ онъ напившись и

отдавая кружку Марѳѣ обратно; ты мнѣ, Марѳуша, постоянно такое готовь!

— Сколько хочешь, милый, у насъ клюква-то не покупная; сами ее сбирали и набрали цѣлую кадку.

— А теперь, Марѳуша, оставь меня: мнѣ что-то уснуть хочется, въ дорогѣ-то какое спанье! Такъ можетъ быть теперь я усну!

— Спи, спи съ Богомъ! сказала Марѳа, слѣзая съ печки. Она сѣла въ дальній уголъ комнаты и залилась горькими слезами.

— Ну что? спросили ее невѣстки: каковъ здоровьемъ-то теперь Иванъ Провичъ?

— Господи, да что-же вы меня спрашиваете? простонала Марѳа, будто сами и не видите, что краше въ гробъ кладутъ.

— А ты, Марѳуша, много-то не унывай и не задумывайся, небось Иванъ Провичъ это только съ дороги такимъ плохимъ выглядываетъ, на дорогѣ-то и здороваго теперь растрясетъ; а погоди вотъ поваляется онъ у насъ, отдохнетъ, тогда совсѣмъ другимъ человѣкомъ будетъ выглядывать и скоро поправится.

— Охъ дай-то, Господи, чтобы все такъ было, какъ вы говорите, продолжала по прежнему плакать и сквозь слезы отвѣчала Марѳа,

да плохъ-то ужъ Ваня очень!

А Иванъ Провичъ тѣмъ временемъ дѣйствительно уснулъ, только непокоенъ и мятеженъ былъ сонъ Ивана Провича, вскорѣ послѣ того какъ раздалось храпѣніе, онъ началъ бредить и метаться по печи. Мароа подошла къ нему и слѣдила, чтобы онъ не упалъ съ печи или не повредилъ себѣ чего-нибудь, ударяясь о печку. Долго сидѣла Мароа около больного и вдругъ услыхала отъ него въ бреду такіе слова, какихъ на яву Иванъ Провичъ никогда ни позволилъ бы себѣ сказать, такъ какъ былъ онъ человѣкъ очень стыдливый. Очевидно, что Иванъ Провичъ ругалъ кого-то во снѣ. „Святъ, Святъ, Святъ!..“ творила молитву Мароа.

— Мароуша, кинь ты ему на голову мокрое полотенце: ему будетъ полегче и онъ перестанетъ бредить, посовѣтовала Мароѣ одна изъ ея невѣстокъ.

Мароа укрыла голову мужа мокрымъ полотенцемъ и онъ дѣйствительно какъ бы успокоился и пересталъ бредить, дыханіе его сдѣлалось гораздо ровнѣе.

Какъ только залегъ Иванъ Провичъ на печку, то и не вставалъ съ нея до самой своей смерти. Онъ спалъ очень рѣдко, и

сонъ его всегда былъ очень безпокоенъ; онъ и бредилъ, и метался, и неоднократно вскакивалъ съ своего ложа, такъ что Марѳа цѣлыми ночами не отходила отъ него и сидѣла, не смыкая глазъ въ его ногахъ или слѣдя за нимъ, когда онъ спалъ, или разсказывая ему что-нибудь по хозяйству, когда онъ просыпался и просилъ ее, чтобы она поговорила съ нимъ. Такимъ образомъ валялся Иванъ Провичъ на печкѣ недѣли съ три. Марѳа, продолжая ухаживать за нимъ, извелась рѣшительно и ходила блѣдная, какъ тѣнь; люди, глядя на нее, жалѣли ее и совѣтовали ей успокоиться, не такъ волноваться и давать себѣ поболѣе отдыха. „А то посмотри-ка, говорили ей сосѣди, вѣдь не узнать, кто изъ васъ боленъ, ты или Иванъ; что на него, что на тебя посмотрѣть, одно и то-же выходитъ—на обоихъ лица нѣтъ.“

— Охъ, кормилицы мои, отвѣчала вся въ слезахъ Марѳа; тогда только я успокоюсь и отдохну, когда увижу, что мой ненаглядный Ваня начнетъ поправляться; а до тѣхъ поръ, пока онъ не поправится и будетъ лежать больнымъ, сами подумайте, могу ли я быть покойной, вѣдь и люблю я его, да и то по-

думаешь, что не одну онъ меня оставитъ, а съ сиротами!

— Полно, Маѳуша, полно! успокаивали Маѳу сосѣди; къ чему дурное загадывать, Богъ милостивъ!

Но напрасны были всѣ старанія Маѳы, которыя употребляла она, ухаживая за своимъ больнымъ мужемъ; Иванъ Провичъ скончался въ сильномъ бреду, не приходя въ сознаніе. Диву дались тутъ всѣ родные и знакомые Маѳы, всѣ знали о томъ, какъ она любила покойнаго мужа, всѣ видали, какъ она ухаживала за нимъ и потому ждали отъ нея цѣлыхъ рѣкъ слезъ, но къ удивленію всѣхъ Маѳа слезинки не проронила во время смерти ея мужа, во время приготовленія къ его погребенію и во время самаго погребенія. Ея бѣлое матовое лицо вытянулось и имѣло на себѣ печать серьезности, она какъ бы окаменѣла, ни съ кѣмъ ни говорила ни слова и молча какъ машина какая-нибудь, дѣлала всѣ нужныя приготовленія къ погребенію мужа.

Былъ назначенъ день похоронъ Ивана Провича, снесли его братья съ сосѣдями въ слободской храмъ, отпѣли тамъ, похоронили на погостѣ и отправились съ родными и знако-

мыми въ домъ на поминальную трапезу, которую при помощи нѣкоторыхъ сосѣдокъ на славу изготовили невѣстки Мареы. Пришла и Мареа вмѣстѣ съ другими въ домъ, и пусто, пусто показалось ей въ домѣ; не пошла она въ ту горницу, гдѣ накрыты были столы, а забрала своихъ ребятишекъ и привела ихъ въ свою маленькую угольную горенку. Посадила она всѣхъ ребятишекъ на кровать, обняла поочередно каждаго, а затѣмъ вдругъ разлилась горькими слезами.

— Не выдержала все таки! сказали родные и знакомые услыхавъ рыданія Мареы.

— Мареуша, звала ее одна изъ невѣстокъ, стоя у запертой двери въ ея комнату, иди помяни покойника-то; на народѣ тебѣ полегче будетъ. Полно убиваться-то!

— Спасибо! Не пойду, не до того мнѣ! Я теперь тутъ съ ребятишками! отвѣчала Мареа.

— Ну и пусть ее выплачется на свободѣ! сказали гости, которымъ невѣстка передала отвѣтъ Мареы.

ГЛАВА III.

Безъ мужа.

Скучными и однообразными потянулись для Мареы первые дни послѣ смерти мужа. Единственнным ея утѣшеніемъ было ходить каждый день въ церковь и молиться тамъ за новопреставленнаго раба Божія Іоанна, а послѣ обѣдни и панихиды идти на могилку своего мужа и сидѣть на ней до тѣхъ поръ, пока позволялъ ей это трескучій морозъ и холодный, пронизывающій вѣтеръ. „Голубчикъ ты мой, думала Мареа сидя на могилѣ мужа и трясясь отъ холода такъ, что у ней зубъ на зубъ не попадалъ.

— Голубчикъ ты мой, умеръ бы ты лучше весною или лѣтомъ, убрала бы я твою могилку цвѣтами и каждый день приходила бы сюда и приводила бы къ тебѣ нашихъ ребятишекъ! „При воспоминаніи о ребятишкахъ, Мареа опять не могла удерживать

своихъ слезъ, которыя градомъ падали у нея изъ глазъ и тотчасъ же замерзали на щекахъ. Посидитъ, бывало, Марѳа такъ на могилкѣ мужа и пойдетъ себѣ домой, гдѣ стараясь избѣгать лишнихъ разговоровъ, работаетъ рукъ не покладаючи до самой ночи; а тамъ соберетъ вокругъ себя своихъ ребятишекъ, перекреститъ ихъ всѣхъ, поцѣлуетъ каждаго и ляжетъ спать вмѣстѣ съ ними.

Но еще новое, неожиданное горе ждало бѣдную Марѳу.

Прошло шесть недѣль со дня смерти Ивана и Марѳа не слыхала дурного слова ни отъ братьевъ покойника ни отъ женъ ихъ. Она только горевала о смерти покойника и очень мало думала о будущности.

Но вотъ наступилъ сороковой день, и по христіанскому обычаю Марѳа вмѣстѣ съ братьями и другими родственниками покойнаго пошли въ храмъ, чтобы отстоять заупокойную обѣдню; послѣ обѣдни всѣ были на панихидѣ, которая совершалась на могилѣ, а потомъ отправились въ домъ, гдѣ былъ приготовленъ поминальный обѣдъ.

Какъ самъ покойный Иванъ, такъ и братья его хотя и пили водку, но пили въ очень маломъ количествѣ и ихъ никто изъ слобод-

скихъ жителей не замѣчалъ пьяными даже на престольныхъ праздникахъ и на свадьбахъ; но вотъ на поминальномъ обѣдѣ Мареа совершенно нечаянно обратила вниманіе на то обстоятельство, что оба брата ея умершаго мужа пьютъ болѣе обыкновеннаго.

Не даромъ Мареа обратила вниманіе на это обстоятельство: причина его имѣла очень близкое отношеніе къ ней. Братья давно сговаривались на одинъ подлый поступокъ по отношенію къ Мареѣ и рѣшили привести въ исполненіе свои дурные и подлые планы именно на сороковой день послѣ смерти Ивана. Теперь пили они, какъ сами думали, для храбрости; а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы заглушить упреки и угрызенія совѣсти; никогда не позволяющей человѣку дѣлать какое-нибудь дурное дѣло

— Начинай что-ли! вполголоса сказалъ младшій братъ старшему и толкнулъ его подъ столомъ ногою.

— Сейчасъ! Дай еще стаканчикъ выпью и начну говорить! отвѣчалъ старшій; только и ты не молчи.

— Ты начинай, а я поддержу!

Старшій братъ выпилъ стаканъ водки, закусилъ его вареной рыбой, во множествѣ

наставленной на столъ и началъ свой разговоръ, обращаясь къ Мароѣ.

— Сестрица, Мароуша, а намъ бы надо съ тобой поговорить; пора и перестать тосковать о покойномъ, надо и о дѣлѣ поговорить. Такъ-то!

— Тосковать, братецъ, о покойномъ я можетъ быть никогда не перестану; а о дѣлѣ говорить готова хоть теперь.

— Ну вотъ это хорошо! Такъ скажи же теперь намъ, что ты думаешь о себѣ и о ребятишкахъ?

— Какъ это, братецъ, что думаю?! Вѣстимо сама работать буду и ихъ, какъ подростутъ, пристрою въ руки.

— Да я не про то спрашиваю!

— Про что-же ты, братецъ, спрашиваешь?

Старшій братъ налилъ себѣ стаканъ водки, выпилъ этотъ стаканъ не закусывая и огорошилъ Мароу такимъ неожиданнымъ вопросомъ:

— Куда ты пойдешь-то съ ребятишками?

Думала Мароа, что плохо придется ей и ея ребятишкамъ послѣ смерти Ивана, думала, что ей прибавится работы, что ребятишки будутъ ходить погрязнѣе и что какъ на ея долю, такъ и на долю ребятишекъ будетъ выпадать иногда попреки, но никогда Мароа

и подумать не могла о томъ, что ее съ ребятишками братья мужа почти тотчасъ же послѣ его смерти вытолкнутъ на улицу, и она очутится безъ самаго главнаго въ зимнее время, безъ крова и безъ теплаго угла.

Молча, широко раскрывъ свои глаза, въ которыхъ можно было прочитать испугъ и ужасъ, сидѣла она противъ старшаго брата, который ждалъ отъ нея отвѣта.

— Куда пойдешь-то съ ребятишками? спрашиваю я тебя! повторилъ свой вопросъ старшій братъ.

— А ужъ тутъ мнѣ не жить? спросила Марѳа, глотая слезы; но нѣсколько ихъ покатилось по ея лицу.

— И чудная ты, сестрица, какъ я погляжу, ну гдѣ же въ одномъ домѣ тремъ семьямъ жить. Гдѣ-же? Скажи мнѣ, видала ли ты когда нибудь это, и братецъ покойный думалъ, и сбирались мы съ нимъ еще два домка поставить, да вотъ не привелъ ему Господь дожить. Такъ видишь сама, что намъ всѣмъ въ этомъ домѣ жить не приходится, а потому ищи себѣ уголъ, гдѣ хочешь. Мы тебя обижать не будемъ, бери все свое. Небось покойникъ-то тебѣ и ребятишкамъ кой что дарилъ.

— Зачѣмъ ты, братецъ, говоришь неправду;

вѣдь самъ ты знаешь, что покойный всѣ свои заработки вносилъ въ общее хозяйство! перебила Марѳа.

— Ну, не скажи тоже, что всѣ заработки. Кто ихъ тамъ въ Москвѣ усчитаетъ, сколько они вырабатываютъ.

— Видитъ Богъ, братецъ, что у меня только есть около трехъ рублей, которые онъ надарилъ ребятишкамъ по мелочамъ; а они отдавали мнѣ на сохраненіе. Вотъ тебѣ ключъ отъ моей укладки, иди и самъ пересчитай все, что тамъ есть!

— Зачѣмъ намъ считать? Что твое, то пусть твоимъ и будетъ, мы у тебя не отнимемъ! отвѣчалъ старшій братъ, отлично знавшій, что покойный Иванъ дѣйствительно весь свой заработокъ отдавалъ на общее хозяйство, и что у вдовы Марѳы не должно было быть никакихъ денегъ, „А вотъ насчетъ того, что бы мѣстечко-то себѣ гдѣ найти, такъ ты, Марѳуша, постарайся поскорѣе; сама видишь, что намъ здѣсь очень тѣсно. Да, ты не подумай, что мы тебя обижаемъ; мы все сдѣлали, какъ слѣдуетъ и похоронили братца, и поминки справили по немъ честью и копейки у тебя не попросили на все это!“

— Богъ съ вами! покорно сказала Марѳа,

вышла изъ-за стола и отправилась съ ребятишками въ свою угловую комнату. „Бѣдныя вы, мои бѣдныя!“ начала тамъ плакать Мароа; „думала я, что хоть уголъ-то этотъ за нами оставятъ, а насъ изъ него гонятъ. Что-то я теперь буду дѣлать съ вами горемычными? Куда я пойду теперь съ вами?“

Долго плакала Мароа, а ребятишки, съ изумленіемъ раскрывъ свои глазенки, глядѣли на мать, не понимая, въ чемъ дѣло. Наконецъ, вдоволь наплакавшись и уложивъ спать ребятищекъ, которыя также были въ церкви и поэтому встали очень рано, Мароа отправилась къ нѣкоторымъ сосѣдямъ, чтобы посовѣтоваться съ ними, гдѣ бы ей поселиться съ своими ребятишками.

Пришла она къ куму своему дядѣ Евграфу; тотъ думая, что она пришла къ нему разсѣять свою тоску и поговорить съ нимъ, очень радушно принялъ ее.

— Скучно, небось Мароуша? участливо спросилъ онъ.

— Ахъ и не говори, дядя Евграфъ, такая скука, такая тоска, что нигдѣ себѣ мѣста не найду!

— Никто, какъ Богъ, отвѣтилъ дядя Евграфъ: Онъ тебѣ послалъ испытаніе, Онъ-же

тебѣ ношлетъ во время и утѣшеніе. Молись только Ему, Всеблагому.

— И то, дядя Евграфъ молюсь, а кабы не молиться-то такъ настоящая бы бѣда была; ну а какъ помолишься, то на душѣ-то куда легче становится!

— Вѣстимо—такъ!

— А я, дядя Евграфъ, къ тебѣ за совѣтомъ пришла!

— Говори Маѳуша, за какимъ совѣтомъ; что могу, то присовѣтую.

— Скажи ты мнѣ, дядя Евграфъ, гдѣ бы мнѣ найти въ слободѣ такой уголокъ, чтобы я поселилась со своими ребятишками!

— Эй, Маѳуша, баба ты, кажется, умная, а совсѣмъ неладное дѣло задумала. Зачѣмъ тебѣ изъ своего-то дома уходить. Если какія непріятности пойдутъ, такъ ты перетерпи, и Богъ дастъ все уладится. Ты погоди хотя до тѣхъ поръ, пока твои ребятишки на ноги-то встанутъ; тогда тебѣ легче будетъ!

— Не такъ ты меня понялъ, дядя Евграфъ; неужели же ты думаешь, что я сама пошла бы изъ дома; да я для малыхъ-то ребятишекъ воломъ бы на домъ работала и какіе угодно попреки и непріятности перенесла бы да въ томъ-то и дѣло, что не сама я,

не своею охотою иду изъ дома, который вѣдь для меня роднымъ сталъ; а гонятъ меня изъ этого дома, силомъ выводятъ, сказала Маѳа и залилась слезами.

— Что ты? Что ты? Это тебя-то гнать изъ дома?! Да есть-ли на нихъ крестъ-то?! Кто же во всей слободѣ не знаетъ, что покойникъ Иванъ всѣ свои достатки отдавалъ въ общее хозяйство? Кѣмъ же всего болѣе, какъ ни Иваномъ, и все хозяйство-то держалось? А ты то тоже развѣ безъ дѣла у нихъ сидѣла? Вѣдь сами же они расхваливали тебя по всей слободѣ.

— Вотъ подишь-ты! отвѣчала Маѳа: а все таки теперь велятъ уходить изъ дома.

— Чудно что-то! Много ли же они даютъ на твою долю изъ всего хозяйства?

— Да укладку мою, да постель!

— Какъ? закричалъ дядя Евграфъ, да вѣдь это разбой настоящій; да такъ и разбойники не грабятъ проѣзжающихъ по дорогамъ. Вѣдь если бы ты и одна была, то тебѣ какое ни на есть наслѣдство надо было бы получить; а ты вѣдь не одна! Вонъ сколько у тебя ребятишекъ-то! Такъ тебѣ, какъ слѣдуетъ, по закону значитъ, надо отдѣлить тебѣ и дѣтямъ ровно третью часть изо всего хозяй-

ства; такъ дѣлать нельзя! Я вотъ поговорю съ твоими родными, а тамъ видно будетъ, коли они заупрямятся, тогда вѣдь ихъ можно и къ суду притянуть. Вѣдь мы не въ пустынѣ какой-нибудь живемъ, есть у насъ законъ, есть и судьи!

— Ну, дядя Евграфъ, Богъ съ ними. Никогда я не ходила по судьямъ-то, такъ и теперь не пойду!

— Нѣтъ, Маѳуша, какъ хочешь, а это дѣло я для тебя и для твоихъ сиротъ устрою. Нельзя-же васъ давать въ обиду, а я покойному-то Ивану пріятель былъ.—Ну, а пока судъ да дѣло, такъ тебѣ устроиться надо гдѣ нибудь. Посиди-ка пока здѣсь, а я пойду поговорю о твоемъ горѣ со старостою.

ГЛАВА IV.

По чужимъ людямъ.

Дядя Евграфъ тотчасъ же одѣлся и вышелъ изъ своего дома, оставивъ въ немъ Маѳу сидѣть въ глубокой задумчивости. Пройдя по улицѣ слободы домовъ съ десять, Евграфъ остановился у дома деревенскаго старосты и

замѣтивъ, что калитка у старосты не отперта, не стучась вошелъ къ нему въ домъ.

Вошелъ Евграфъ въ горницу, гдѣ староста сидѣлъ за столомъ, съ бумагами и счетами, перекрестился на висѣвшія въ углу иконы и сказалъ:

— Здорово Викулъ Петровичъ! Помогай Богъ тебѣ работать, а я къ тебѣ по дѣлу пришелъ!

— Спасибо на добромъ словѣ! отвѣчалъ староста: говори, дядя Евграфъ, что у тебя за дѣло?

— Да не у меня, Викулъ Петровичъ, дѣло! Самъ знаешь, какія дѣла у меня могутъ быть. Я къ тебѣ по дѣлу о своей кумѣ, о Марьѣ Малышевой, о вдовѣ Ивана Провича Малышева!

— Что такое у ней?

— Да, вишь ты, гонятъ ее изъ малышевскаго-то дома!

— Какъ такъ гонятъ?

— Да, очень просто! Какъ выгоняютъ-то: выходи молъ вонъ, нужна ты намъ была; пока твой мужъ живъ былъ, да всѣ свои заработки намъ присылалъ. А теперь—умеръ мужъ—и иди ты съ малыми ребятишками, куда

знаешь. Хоть на морозѣ, въ сугробѣ ночуй. Охъ, грѣхи людскіе!

— Такъ нельзя, сказалъ староста: судъ разберетъ и присудитъ Мароѣ и ребятишкамъ ея долю.

— Знаю я, что судъ разберетъ и присудитъ Мароѣ и ребятишкамъ ихъ долю; ихъ дѣло правое! Вся слобода встанетъ за нихъ. Только вотъ что, вотъ въ чемъ дѣло, вѣдь какъ тамъ не говори, а теперь Мароѣ въ Малышевскомъ домѣ не житье; поѣдомъ съѣдятъ теперь ее тамъ, достанется и ребятишкамъ. Такъ вотъ и надо было бы ей до суда-то отвести какой-нибудь уголъ! Куда бы ея пустить?

— Куда бы пустить? задумчиво переспросилъ староста. Да, вотъ что! Пусть она пока побудетъ въ избушкѣ Потылихи: все равно, избушка-то стоитъ заколоченной. Плоха она точно,—ну да вѣдь не вѣкъ же тамъ Мароѣ и жить. Получитъ свою долю, такъ и хватитъ на что выстроить и новую избу; да если она протопитъ получше Потылихину-то избу, то и въ ней можно хорошо жить!

Потылиха была бобылка солдатка, долго она ждала возвращенія своего мужа со службы и потерявъ терпѣніе ждать, отправилась оты-

скивать его; ушла изъ слободы Потылиха да такъ и пропала, и не было о ней никакого слуха; а изба ея стояла заколоченной.

На другой день перевезъ дядя Евграфъ Мареу съ ребятишками на новоселье, осмотрѣли они съ Мареою избушку, поправили кое-что, позаколотили щели и протопили ее дровами, которыя перваго раза подарилъ Мареѣ дядя Евграфъ. Невесело и скучно было Мареѣ на своемъ новосельѣ, въ маленькой ветхой избушкѣ, которая держала тепло только нѣкоторое, весьма короткое время послѣ того, какъ ее протопили, а затѣмъ въ ней стало очень холодно. Уложила Мареа своихъ ребятишекъ и прикрыла ихъ чѣмъ только могла, чтобы они не чувствовали холода, а сама опустилась на колѣни передъ иконою и начала горячо молиться. Горяча и искренна была молитва бѣдной, покинутой своими родными вдовы.

— Заступница усердная, Мати Бога Всевышняго, молилась Мареа передъ иконою Всѣхъ скорбящихъ радости: передъ Тобою не скрыты мои печали и мое безвыходное положеніе съ малыми дѣтьми. Укрѣпи меня и пошли мнѣ терпѣніе перенести всѣ испытанія, посланныя уже мнѣ и тѣ, которыя будутъ посылаться. Не

оставь моихъ бѣдныхъ сиротъ и не дай имъ погибнуть! Я всѣми оставлена, о Заступнице Усердная и къ Тебѣ прибѣгаю, на Твою только помощь, Пречистая Дѣво, моя надежда.

Помолившись усердно, Мареа легла спать, но долго еще она не могла сомкнуть очей своихъ, такъ какъ много думала о томъ, какъ ей придется жить и кормить себя и малыхъ ребятишекъ.

На слѣдующее же утро ее посѣтили очень многіе изъ крестьянъ и крестьянокъ, всѣ высказывали ей свое сочувствіе въ ея положеніи и были крайне возмущены поступкомъ противъ ее и ея ребетишекъ ея деверьевъ; очень многіе, подобно дядѣ Еврафу, совѣтовали Мареѣ подать въ судъ на деверьевъ.

— Ты въ судъ на нихъ подавай, Мареа, въ судъ; твое дѣло правое и погляди, что тебѣ непремѣнно выдѣлять долю; это дѣло такъ оставить нельзя!

— Богъ съ ними! — говорила Мареа; не до судовъ мнѣ, другимъ у меня голова занята теперь.

Наконецъ Мареу посѣтилъ и староста.

— Съ новосельемъ, — тетка Мареа, ну, какъ ты устроилась? — сказалъ староста. Оно не больно-то уютно тутъ, но вѣдь тебѣ не

нѣкъ и жить-то здѣсь; вотъ выдѣлятъ тебѣ деверья свою долю, тогда и новый домикъ построишь.

— Спасибо тебѣ, Викулъ Петровичъ, и на этомъ; спасибо тебѣ, что далъ мнѣ мѣстечко, гдѣ я хотя на первое-то время могу съ ребятишкими приткнуться; а то пришлось бы мнѣ съ ними хоть въ снѣгу ночевать по такому морозу!

— Зачѣмъ же тебѣ изъ своего дома да въ снѣгу ночевать? Вѣдь не всѣ же такіе люди, какъ твои деревья; вѣдь чай мы не нехристи какіе-нибудь, а то же крестъ имѣемъ и во Христа вѣруемъ. Я вотъ поѣду скоро въ волость и подамъ отъ твоего имени на твоихъ деверей жалобу.

— Нѣтъ, нѣтъ Викулъ Петровичъ, всплеснула руками Мареа. Спасибо тебѣ, что ты хочешь заступиться за меня беззащитную. Богъ не оставитъ тебя за это; но я не хочу судиться съ моими деверьями. Пускай они владѣютъ сиротскимъ добромъ и пускай имѣютъ много, если имъ много нужно. Объ одномъ только я буду молить Бога, чтобы Онъ Милосердый не поставилъ имъ этого грѣха во грѣхъ на страшномъ судѣ Своемъ. Я же съ своими малолѣтками буду надѣяться на

Заступницу Небесную и буду всегда молиться Ей, чтобы Она не допустила намъ погибнуть. Староста только руками развелъ, слушая такія рѣчи Маровы, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ:

— Тебѣ же я добра хотѣлъ, а тамъ дѣлай, какъ хочешь, твой возъ тебѣ и везть. Прощай пока!

Жители слободы, видя горе, выпавшее на долю Мароы и то терпѣніе, съ которымъ переносила она это горе, а также ея смиреніе и незлобіе, благодаря которому она отказалась судиться съ своими деверьями, принимали всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь помочь бѣдной вдовѣ съ малолѣтними сиротами. Мароа съ благодарностью взирала на это сочувствіе къ ней жителей слободы и молила Бога за тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлали для нея какое-нибудь доброе дѣло.

Скоро Мароа начала ходить для исполненія различныхъ домашнихъ работъ и для помощи по хозяйству почти что по всѣмъ слободскимъ домамъ и сдѣлалась какъ бы общею для слобожанъ слугою.

И какихъ, какихъ только работъ и обязанностей, иногда даже самыхъ разнообразныхъ, не приходилось исправлять Мароѣ?!

Появится ли въ слободѣ какая-нибудь ре-

дильница, Мареа еще задолго до родовъ начинаетъ ухаживать за нею и успокоивать ее.— Во время родовъ Мареа бываетъ повитухою, а послѣ родовъ ходитъ и за родильницей и за новорожденнымъ ребенкомъ столько времени, сколько этого потребуютъ обстоятельства. Сдѣлается ли кто изъ слобожанъ боленъ, опять спѣшатъ къ Мареѣ и зовутъ ее къ больному, потому что всѣ знаютъ, что не найти другой такой сидѣлки для больного, какъ Мареа, которая не только съумѣетъ уходить за каждымъ больнымъ и успокоить каждаго, но еще и лѣкарствъ какихъ-нибудь посовѣтуетъ дать до прибытія доктора. Помретъ ли кто-нибудь, опять дѣло не обходится безъ Мареы, такъ какъ она съумѣетъ и покойника обрядить и приготовить обѣдъ на сколько угодно человѣкъ. Никакая пирушка, никакая свадьба не обходились также безъ участія Мареы, которая вскорѣ прославилась по окрестностямъ, какъ прекрасная повариха, искусно умѣющая готовить деревенскія кушанья. Повсюду приглашали, однимъ словомъ, Мареу и повсюду благодарили ее какъ за умѣніе дѣлать дѣло, такъ особенно и за ея мирный, незлобливый и уживчивый характеръ.

ГЛАВА V.

Бѣда бѣду родитъ.

И такъ работая сегодня въ одномъ, а завтра въ другомъ домѣ, начала жить Марѳа въ своей убогой лачужкѣ. Жилось ей, конечно, далеко не богато, но она была довольна и тѣмъ, что могла своими трудами кое-какъ перебиваться и кормить себя и свою семью. Болѣе всего страшилась Марѳа только за свое здоровье и молила всегда Заступницу Небесную, чтобы Она сохранила ея здоровье для пользы ея малыхъ сиротъ.

— Далъ бы только Богъ быть здоровой, а то проживу какъ-нибрдь съ сиротами и не допущу ихъ, чтобы они у меня ходили съ котомками, подъ окнами. Господи, спаси ихъ отъ такого позора! Единственную отраду себѣ Марѳа находила въ посѣщеніи Божьяго храма. Придетъ бывало она туда послѣ трудовой недѣли, забьется въ дальній уголъ и, забывши обо всѣхъ житейскихъ невзгодахъ, возносится своими мольбами къ престолу Всевышняго; простоитъ такъ Марѳа, проводя время въ теплыхъ молитвахъ, до конца службы, и у

ней такъ легко, легко сдѣлается на душѣ. Изъ церкви она торопливою походкою подходила обыкновенно къ своей лачужкѣ, гдѣ ее поджидали уже ребятишки. И всегда Мароѣ удавалось сдѣлать такъ, что въ теченіе недѣли она припасала своимъ ребятишкамъ какой-нибудь немудреный деревенскій гостинецъ, который и дѣлила между ними въ воскресенье, приходя домой изъ слободского храма.

Хотя Мароа, благодаря своимъ хлопотамъ и благодаря той любви и тому сочувствію, которое питали къ ней ея сосѣди, очень рѣдко нуждалась въ топливѣ, но такъ какъ избушка у ней была почти что сквозная, то въ ней частенько бывало холодно. Особенно же вреденъ былъ для обитателей Мароиной лачужки вѣтеръ, дувшій отовсюду: изъ угловъ лачужки, изъ подъ пола и изо всѣхъ стѣнъ. Благодаря этому обстоятельству, дѣти Мароы очень часто хворали и наконецъ къ великому горю Мароы ей въ короткое время пришлось схоронить двоихъ своихъ дѣтей.

Долго и безутѣшно плакала Мароа, прощаясь съ своими дорогими малютками и хороня ихъ.

— И чудная! Чего только она убивается? Другая бы еще рада была, что Господь прибралъ ихъ, по крайней мѣрѣ, съ хлѣба долой,

другія дѣти сытѣе будутъ! Такъ говорили многіе сосѣди, видя, какъ убивается Мароа о смерти дѣтей.

Но совсѣмъ не такъ думала Мароа; дѣти для нея были одинаково дороги: жила ли бы она въ богатствѣ, или бѣдности. Она твердо надѣялась на милость Божію и думала, что если Господь далъ ей ребенка, то Онъ же дастъ ей и средства прокормить и возрастить этого ребенка. Долго, долго не могла забыть Мароа двухъ умершихъ у нея малютокъ, похороненныхъ на томъ же слободскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою отца. Несмотря на свою бѣдность и не смотря на то, что благодаря этой бѣдности, Мароа принуждена была проводить въ чужихъ людяхъ цѣлые дни, а иногда и даже цѣлыя ночи, она однако старательно занималась воспитаніемъ оставшихся у нея дѣтей; а у нея и послѣ смерти двухъ дѣтей оставалось еще трое: два мальчика Алексѣй и Петръ и дѣвочка Варя. Прежде всего Мароа старалась вселить въ своихъ дѣтяхъ страхъ Божій, она учила ихъ молитвамъ, которыхъ знала сама очень много, не смотря на то, что была неграмотна; потомъ Мароа, какъ только дѣти ея подросли и стали на ноги, стала водить ихъ съ собою

по праздникамъ въ слободскій храмъ и пріучать ихъ къ церковному богослуженію, внимательно смотря за тѣмъ, чтобы дѣти ея, находясь въ храмѣ, дѣйствительно бы молились, а не смотрѣли бы по сторонамъ, какъ иногда дѣлаютъ многія дѣти, отпускаемыя въ храмъ безъ всякаго надзора.

Часто Мароа, собравши своихъ дѣтей, подъ вечерокъ разсказывала имъ то, что она сама знала о земной жизни Спасителя и Богоматери, и внимательно, внимательно слушали дѣти разсказы своей матери. Она учила дѣтей не дѣлать зла другимъ и не помнить того зла, которое люди сдѣлаютъ имъ самимъ и пріучила между прочимъ дѣтей еще съ самаго ранняго возраста не проводить праздно время, а заниматься какою-нибудь честною и по возможности полезною работою.

И могла порадоваться и даже похвалиться Мароа, если бы только она любила хвалиться, дѣйствительно всѣ ея усилія, прилагаемыя ею къ воспитанію своихъ дѣтей не пропадали даромъ; дѣти ея оказались очень понятливыми и послушливыми дѣтями и потому всѣ добрые совѣты, даваемые Мароою своимъ дѣтямъ не упали на плохую почву и не казались безплодными.

Всѣ слобожане хвалили дѣтей Маѳы за ихъ скромность, трудолюбіе и набожность.

Едва только они начали возростать, какъ уже по мѣрѣ своихъ силъ и способностей начали помогать матери въ ея трудовой жизни. Въ лѣтнее время они сначала собирали въ ближайшемъ лѣсу грибы и ягоды, которые носили продавать въ городъ, находящійся рядомъ съ ихъ слободой; потомъ мальчики на лѣто начали наниматься въ подпаски къ слободскимъ пастухамъ, они помогали имъ сгонять и загонять стада; а сидя на лугу и слѣдя за стадами, они также не имѣли праздными свои руки, такъ какъ плели корзины, которыя потомъ Маѳа и продавала въ томъ же городѣ.

Когда же наступала зима, то оба мальчика старались найти для себя какую-нибудь работу въ домахъ слобожанъ: они или ходили за скотомъ, или исполняли какія-нибудь другія домашнія работы, которыя были по ихъ силамъ.

Не сидѣла безъ дѣла и дѣвочка Варя, она тоже находила возможность помогать матери и быть полезнымъ членомъ семейства. Какъ только ея силенки развились на столько, что она могла дотащить ведро съ водою, то

она начала помогать матери тѣмъ, что стала носить воду въ домъ, начала привыкать топить печку, мыла посуду, столъ и лавки и помогала иногда матери готовить обѣдъ. Съ лѣтами же Варя стала мыть не только лавки и столъ, но даже и полъ, привыкла и шить и чинить разное бѣлье, конечно въ первое время только для себя и для своихъ братьевъ.

Такъ подростали и приготовляли себя подъ руководствомъ своей умной и набожной матери къ предстоящей имъ жизни эти сироты, выгнанныя своими дядями изъ родного дома чуть ли ни на морозъ; Марѳа съ любовью глядѣла на своихъ дѣтокъ, она чувствовала, что изъ нихъ должны выйти хорошіе честные люди, которые будутъ утѣхою ея старости и благодарила Бога, что Онъ увѣнчалъ успѣхомъ ея труды по воспитанію сиротъ.

ГЛАВА VI.

Подъ красную шапку.

Настали для Марѳы болѣе спокойные и болѣе радостные дни, нежели были въ первое время послѣ смерти мужа.

Она пользовалась своимъ маленькимъ, тихимъ счастьемъ и благодарила Бога за то, что Онъ даетъ ей покойный конецъ, такъ какъ видя своихъ дѣтей честными и трудолюбивыми, она могла умереть вполнѣ спокойно. Но не кончились еще испытанія Мареы, и большое горе снова неожиданно посѣтило ея полуразвалишуюся избушку, причинивъ бѣдной Мареѣ не мало страданій. Объявленъ былъ по слободѣ рекрутскій наборъ.

Мареа сначала ни мало не тужила объ этомъ, такъ какъ у нея по лѣтамъ только одинъ Алексѣй годенъ былъ въ солдаты, и его конечно бы не взяли.

Но вотъ на очередь было поставлено семейство дядей Алексѣя, и такъ какъ Мареа съ своими дѣтьми не была отписана отъ этого семейства, то приходилось наравнѣ съ своими двоюродными братьями ставиться и Степану.

Собралась по поводу объявленнаго рекрутскаго набора мірская сходка. На сходкѣ этой кромѣ сельскаго начальства очень большую силу имѣли еще люди богатые, за которыхъ горой стояли тѣ изъ бѣдняковъ, зависящихъ отъ нихъ, которые любили покричать на сходкахъ ради своей выгоды.

Кому было защитить бѣднаго Алексѣя?

Между тѣмъ какъ у его богатыхъ двоюродныхъ братьевъ нашлось очень много защитниковъ; а дяди, конечно, старались всѣми силами освободить своихъ сыновей отъ исполненія рекрутской повинности. Поэтому на сходкѣ начали раздаваться очень многіе голоса, предлагавшіе поставить рекрутомъ изъ семьи Малышевыхъ Алексѣя Малышева, сына вдовы Мареы.

— Алесѣя?!—воскликнулъ одинъ старикъ: да боитесь ли вы Бога-то? крестъ-то на себѣ носите ли? Инь вѣдь что удумали: брать у бѣдной вдовы единственнаго сына, а оставлять его богатыхъ двоюродныхъ братьевъ?

— Ты чего кричишь-то больно, дядя Архипъ? вскрикнулъ одинъ горлодеръ, которые всегда и вездѣ найдутся: чего кричишь-то, говорю я, дядя Архипъ. Ты бы спросилъ лучше, на что онъ теткѣ Мареѣ, Алексѣй-то? Что у ней хозяйство что-ли очень велико? Что ей работника нанимать что ли изъ-за Алексѣя-то?

— А какой же такой онъ у ней единствееный сынъ? закричалъ другой горлодеръ. А Петра-то вы не считаете что-ли? Вѣдь всего только онъ года на два не вышелъ и въ солдаты-то, а работникъ-то такой же, какъ Але-

кеѣй! А ты дядя Архипъ кричишь: единственнаго сына берутъ?

Напрасно Марѳа, также присутствовавшая на сходкѣ, кланялась міру и со слезами на глазахъ просила пощадить ея бѣдность и не ставить на очередь ея сыновей. Уговоры богатыхъ деверьевъ дѣйствовали сильнѣе, нежели слезы и упрашиванія бѣдной Марѳы. Было, правда, на сходкѣ нѣсколько степенныхъ, честныхъ мужиковъ, которые съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ положенію Марѳы, но что могли сдѣлать эти нѣсколько честныхъ мужиковъ противъ криковъ многочисленныхъ горлодеровъ.

На сходкѣ порѣшили, что надо везти рекрутомъ изъ нераздѣльной семьи Малышевыхъ Алексѣя, который къ тому же еще былъ женатъ и имѣлъ уже ребенка.—Горько плакала бѣдная Марѳа, услыхавъ такое несправедливое рѣшеніе сходки и напрасно любящія дѣти ея старались утѣшить ее. Отправился Алексѣй въ городъ, чтобы явиться въ рекрутское присутствіе, а вмѣстѣ съ Алексѣемъ отправилось въ городъ же и все семейство.

Пошелъ Алексѣй на смотръ въ рекрутское присутстіе, приказали ему тамъ раздѣться и

внимательно оглядѣвъ его съ ногъ до головы, крикнули.

— Лобъ!

Это значило, что Алексѣй годенъ въ солдаты и что его принимаютъ въ военную службу.

Еле-еле держась на ногахъ и пошатываясь вышелъ поблѣднѣвшій Алексѣй изъ присутствія и подошелъ къ брату Петру, поджидавшему его въ коридорѣ.

— Что съ тобой? Стало быть тебя сдали?—спросилъ участливо Петръ, подбѣгая къ брату и стараясь поддержать его,

— Сдали, Петя!—отвѣчалъ Алексѣй, и слезы градомъ полились изъ глазъ его. Сдали, Петя! Объ одномъ только прошу тебя, не оставь ты тутъ безъ помощи мою жену и ребенка. За мать я не прошу; я знаю, что ты никогда ни кинешь ее, но о женѣ опять прошу, чтобъ ты не далъ ее въ обиду.

— Погоди тужить, Алеша, можетъ быть ты и не пойдешь еще въ солдаты!—сказалъ Петръ, что-то обдумывая.

— Какъ же не пойду, когда мнѣ ужъ „лобъ“ крикнули?!

— Я за тебя пойду, Алеша!—и съ этими словами Петръ, не давши даже одуматься

своему брату, подошелъ къ дверямъ присутствія. Войдя въ присутствіе и увидѣвъ тамъ предсѣдателя и присутствующихъ членовъ, Петръ бросился передъ ними на колѣни.

— Кто ты такой и что тебѣ надо?—спросилъ предсѣдатель Петра.

— Я крестьянинъ Покровской слободы, Петръ Ивановъ Малышевъ, братъ Алексѣя Иванова Малышева, который только что принятъ вами въ военную службу. Я пришелъ, судьи праведные, Христомъ Богомъ молить васъ о томъ, чтобы вы приняли на службу вмѣсто брата меня. Смилуйтесь, судьи праведные, и возьмите Бога ради на службу меня! Я одинъ, какъ перстъ, холостой; а братъ мой женатый; имѣетъ жену и ребенка! Говоря это и упрашивая судей принять его на службу вмѣсто брата, Петръ по прежнему продолжалъ стоять на колѣняхъ. Всѣ члены начали о чемъ-то тихо переговаривать, а затѣмъ велѣли Петру отправиться для осмотра въ смежную съ присутствіемъ комнату, когда же Петръ, послѣ того какъ его осмотрѣли, вошелъ въ присутствіе, то предсѣдатель, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Петръ Малышевъ, просьба твоя уважена, и ты поступаешь на службу за брата

своего Алексѣя. Петръ опять поклонился въ ноги присутствующимъ и благодарилъ ихъ за то, что они исполнили его просьбу, затѣмъ онъ вышелъ къ Алексѣю и объявилъ ему, что идетъ въ военную службу за него.

— Братецъ! Голубчикъ!—восклицалъ Алексѣй, какъ мнѣ благодарить тебя за такое благодѣяніе?!

И тутъ Алексѣй свою очередь поклонился въ ноги Петру.

— Каково-то тебѣ бѣдному придется на службѣ на чужой сторонѣ!—спрашивалъ Алексѣй Петра.

— Ты, братецъ, обо мнѣ не думай и не безпокойся; я съ Божіею помощью какъ-нибудь перетерплю все; а ты, прошу тебя, если хочешь отблагодарить меня, заботься болѣе о матушкѣ, стара она становится и за нею скоро потребуется уходъ, такъ успокой ты ее на старости.

Тутъ-же Мароа благословила своего младшаго сына Петра на службу, обращаясь къ нему съ слѣдующими словами.

— Милый сынъ мой, Петруша! Да будетъ благословеніе Божіе надъ тобой, благословляю тебя и я. Если Богу угодно было, чтобы ты пошелъ на службу, то старайся служить

вѣрою и правдою Государю и Отцу нашему; такую службу видитъ и Самъ Богъ и Онъ тебя не оставитъ. Всегда бывай въ церкви, когда только можешь, и дома молись усерднѣе и помни, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

Много плакала Мареа, провожая сына своего на долгую разлуку, въ дальнюю путь дорогу; много плакали и другіе родные Петра; но чему быть, тому не миновать и Петра наконецъ проводили совсѣмъ.

Конецъ 1-й части.

БАБУШКА МАРѲА

или

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Новое горе.

Проводивши Петра, всѣ семейные отправились обратно въ слободу, вернулись въ свою старую лачужку и зажили въ ней по прежнему, ежедневно вспоминая о Петрѣ, и думая о томъ, каково-то ему живется на чужой дальней сторонкѣ, какъ-то онъ привыкаетъ къ службѣ и новымъ людямъ. Время было осеннее, всѣ поджидали по нѣкоторымъ признакамъ очень суровой зимы, а потому Алексѣй обратилъ все свое вниманіе на починку своей ветхой избушки. Онъ накупилъ нѣсколько лѣсу и пакли, перемѣнилъ въ избушкѣ нѣсколько совершенно сгнившихъ бревенъ и занялся оконопаткою избушки со всѣхъ сторонъ.

И хорошо сдѣлалъ Алексѣй, что озаботился скорѣйшей поправкою избушки; хотя зима еще не наступала, но осень выдалась

очень гнилая, и болѣзни такъ и ходили по слободѣ. Особенно подвергались какой-то дѣтской болѣзни дѣти и въ слободѣ дня не проходило, чтобы въ какомъ-нибудь домѣ не было маленькаго покойника. Скоро къ великому ужасу Марѳы и ея дѣтей заболѣлъ у нихъ въ домѣ ребенокъ, сынъ Алексѣя. Сколько мать и сама бабушка Марѳа ни ухаживали за мальчикомъ, онъ все-таки умеръ, не прохворавъ и недѣли. Марѳа очень любила даже и чужихъ дѣтей, поэтому каково же должно было быть ея горе при смерти родного внука, къ которому она успѣла уже привыкнуть и который еще только такъ недавно сталъ называть ее „бабою". Много плакала бабушка Марѳа о смерти своего любимаго внука, но она не падала духомъ и не предавалась совершенно отчаянію, а наоборотъ, еще находила въ себѣ довольно силъ и бодрости, чтобы утѣшать плачущихъ родителей ребенка.—Полно, полно плакать-то, грѣховодники, сама знаю, что свое жалко. Но что-же дѣлать-то?! Его святая воля! Онъ далъ, Онъ и взялъ! А вамъ отчаяваться нечего, да и грѣшно; вы еще люди молодые и если только Богъ благословитъ, то у васъ будутъ и еще дѣти! Успокойтесь, мои болѣзные! Но только успѣли

успокоиться въ домѣ Маррь послѣ смерти ея внучка, какъ новое горе стряслось надъ этой бѣдной лачужкой. Алексѣй, постоянно работая около своей лачужки, вѣроятно простудился и началъ понемножку покашливать. Сначала на этотъ кашель, какъ на явленіе очень обыкновенное въ жизни бѣдняковъ, никто не обратилъ никакого вниманія, но день за днемъ кашель становился сильнѣе и вскорѣ дошелъ до того, что Алексѣй и самъ не могъ спать по ночамъ и не давалъ своимъ кашлемъ спать другимъ семейнымъ; Мареа принялась поить его разными травами, отвары которыхъ помогаютъ отъ кашля, а потомъ видя, что ея отвары не приносятъ никакой пользы больному, повезла его къ городскому доктору. Поглядѣлъ докторъ на больного, покачалъ головою и сказалъ, что ему всего необходимѣе тепло и покой, далъ ему какого-то успокоительнаго лекарства и приказалъ везти домой.

Пріѣхала Мареа съ сыномъ въ свою ветхую избенку, уложила его какъ можно теплѣе, и вмѣстѣ съ женою больною и съ дочерью Варей начала ходить за больнымъ; больной вовсе не имѣлъ недостатка въ уходѣ за собою; а также его родными были приняты

всѣ мѣры къ тому, чтобы исполнять всѣ, иногда даже и очень прихотливыя желанія больного, но улучшенія никакого въ его состояніи не замѣчалось: онъ по прежнему сильно кашлялъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ.

— Охъ, матушка, говорилъ какъ-то Алексѣй сидящей около его постели матери: ахъ какъ тяжело и трудно мнѣ и все это должно быть Богъ меня наказываетъ за то, что не хотѣлъ я итти на царскую службу и отпустилъ вмѣсто себя Петра! Охъ, тяжко!

— Полно, полно тебѣ, глупый! За что же Господь будетъ наказывать тебя, что не хотѣлъ итти ты на царскую службу, а ты бы спросилъ лучше, кто хочетъ итти-то туда. Не служба вѣдь страшна-то, а страшна разлука съ родными и родиной! Шутка сказать уйти изъ дома въ дальнюю сторону на цѣлыхъ на двадцать пять лѣтъ. И не ты отпустилъ на царскую службу Петра, а пошелъ онъ туда по своей доброй волѣ, вѣдь никто до поры, до времени и не зналъ объ его желаніи.— Успокойся ты, Леня, лучше и не говори лишняго!—такъ успокаивала бабушка Марѳа своего больного сына, а сама между тѣмъ глядѣть не могла на него безъ слезъ, такъ

какъ видѣла она, что онъ съ каждымъ днемъ становился хуже и таялъ, какъ свѣчка.

Хуже и хуже становилось Алексѣю, такъ что Мареа пригласила батюшку исповѣдовать и причастить больного, а потомъ вторично звала причтъ, чтобы его соборовать.

И хорошо, что Марфа побезпокоилась сдѣлать все это своевременно, такъ какъ вскорѣ же послѣ соборованія Алексѣй отдалъ Богу душу.

Мужественно перенесла Мареа и это новое, постигшее ее горе и опять возлагала всю свою надежду на милость Божію и молилась горячо объ умершемъ сынѣ своемъ.

Вдова, оставшаяся послѣ смерти Алексѣя, пожила съ бабушкой Мареой только до тѣхъ поръ, пока покойнику исполнилось сорокъ дней, а потомъ переѣхала на житье къ своимъ родителямъ. Ничто теперь не привязывало молодую вдову къ ветхой лачужкѣ бабушки Мареы: не было у нея ни мужа, ни сына. А ей жить у своихъ родныхъ было гораздо лучше, такъ какъ хотя и они тоже были очень небогатые люди, но во всякомъ случаѣ жили исправнѣе и лучше, чѣмъ бабушка Мареа.

Осталась теперь бабушка Мареа въ своей

избушкѣ только вдвоемъ съ дочкой своей Варей и частенько говаривала ей:

— Ахъ, Варя, Варя, сколько прежде насъ тутъ народу-то было? Избушка то вѣдь тѣсна была для насъ; а теперь въ ней простору хоть отбавляй, остались только мы съ тобою горькія сиротинушки; а то кто умеръ, а кто ушелъ отъ насъ!

Лѣта Марѳы теперь становились очень преклонными, и она не могла уже исполнять всѣхъ тѣхъ работъ, которыя исполняла ранѣе, а выбирала себѣ только такія работы, которыя были полегче и которыя были доступны ей по ея старческимъ силамъ.

Но при всемъ этомъ бабушка Марѳа съ своею дочкою не ощущала особой нужды, такъ какъ дочка ея была теперь для нея очень хорошею помощницею.

ГЛАВА II,

Разлука съ Варей.

Варя не только помогала матери, приглядывая за своимъ домашнимъ хозяйствомъ, но помогала и тѣмъ, что успѣвала ходить работать по другимъ домамъ и такъ заработывала

для себя и для матери хотя не большія деньги, но деньги эти были значительнымъ подспорьемъ въ маленькомъ хозяйствѣ бабушки Мареы.

Между прочимъ Варя часто ходила помогать по хозяйству въ домъ настоятеля мѣстной приходской церкви отца Василія. Отецъ Василій и его супруга были пожилые, умные и опытные люди; бракъ ихъ Господь благословилъ рожденіемъ единственнаго сына, названнаго ими Иваномъ.

Только до десяти лѣтъ пробылъ Ваня дома и радовалъ любящія родительскія сердца, а затѣмъ онъ былъ отвезенъ отцомъ въ духовное училище, гдѣ учился очень успѣшно и былъ принятъ изъ духовнаго училища въ семинарію, изъ которой по окончаніи курса перешелъ въ университетъ.

Такъ что очень рѣдко пріѣзжалъ сынъ отца Василія на побывку къ своимъ родителямъ; пріѣзжалъ онъ обыкновенно лѣтомъ, да и то только тогда, когда не подыскивалъ себѣ какихъ-нибудь занятій на лѣтнее время.

Скучно иногда становилось старикамъ проводить долгія осеннія или зимнія ночи наединѣ другъ съ другомъ и часто между ними возникали разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Вотъ, мать, говаривалъ отецъ Василій: всѣ говорятъ, что хорошо имѣть сына. Оно, конечно, если имѣешь хорошаго сына, то это надежная опора въ старости. Мы же по милости Божіей, никакой нужды не имѣемъ и можемъ обойтись безъ опоры, потому что благословилъ насъ Господь благосостояніемъ. Намъ теперь другое нужно; нужна бы намъ утѣха подъ старость, чтобы сынъ нашъ былъ всегда при насъ, чтобы мы радовались, глядя на него. А вѣдь, сама ты знаешь, какъ часто мы видимъ нашего Ванюшу; онъ у насъ, словно молодой мѣсяцъ, не успѣлъ появиться, а смотришь, онъ ужъ и скрылся куда нибудь. Да, не веселитъ меня это! Теперь вотъ скоро кончитъ курсъ и Богъ знаетъ, куда его пошлютъ на дѣло, можетъ быть, куда-нибудь далеко, далеко, такъ что и совсѣмъ перестанемъ видѣться съ нашимъ Ванюшей.

Слушая такія рѣчи батюшки, матушка охала и смахивала иногда нежданную слезу съ своихъ глазъ.

— Вотъ бы, продолжалъ отецъ Василій вслухъ говорить свои мысли, вотъ если бы была у насъ еще дочка, совсѣмъ бы другое дѣло было, она никуда служить не пошла бы и всегда мы могли любоваться ею!

— Ну не говори этого, отецъ Василій, поддакивала матушка, дочь тоже рости, корми до поры до времени; а придетъ время, прощайся съ ней, отдавай ее замужъ!

— А ты выслушай, мать, сначала, а потомъ ужъ и перебивай, наставительно замѣтилъ отецъ Василій; до поры, до времени, до тѣхъ поръ, когда ее пришлось бы замужъ отдавать, вѣдь дочь-то бы при насъ была, такъ?

— Конечно, такъ!

— Ну вотъ! А когда пришлось бы выдавать ее замужъ, то я нашелъ бы такого зятя, которому бы сдалъ свое мѣсто и котораго принялъ бы въ свой домъ, и жили бы мы тогда съ молодыми, до самой смерти.

— Да, хорошо бы это было! соглашалась матушка.

Варя, часто бывая въ домѣ батюшки, производила очень пріятное впечатлѣтніе, какъ на батюшку, такъ и на матушку.

Да и на кого же не могъ произвести впечатлѣнія этотъ милый и красивый ребенокъ, воспитанный своею честною и набожною матерью въ страхѣ Божіемъ и въ любви къ ближнимъ.

И Варѣ такъ же нравилось бывать въ

чистыхъ, свѣтлыхъ, всегда опрятно прибранныхъ покояхъ у добрыхъ батюшки и матушки. Матушка никогда не отпускала ее, не напоивъ чаемъ, или не накормивъ обѣдомъ; за чаемъ и обѣдомъ матушка всегда ласково разговаривала съ Варей и часто удивлялась ея умнымъ и вѣжливымъ отвѣтамъ, которые нисколько не сконфузили бы не только простую крестьянку, но даже и барышню высшаго круга.

Короче сказать, какъ батюшка съ матушкой привыкли къ Варѣ и полюбили ее, такъ и Варя привыкла къ батюшкѣ и къ его супругѣ и также полюбила ихъ своимъ чистымъ дѣтскимъ сердцемъ. Однажды какъ-то, сидя съ матушкою за вечернимъ чаемъ и читая ей газеты, отецъ Василій неожиданно прекратилъ чтеніе газетъ и о чемъ-то задумался.

— О чемъ ты такъ сразу задумался, отецъ Василій? спросила матушка своего супруга.

— Давно мнѣ, мать, приходитъ одна мысль въ голову, да все не соберусь никакъ я тебѣ ее высказать! Вотъ хорошо, что ты мнѣ сейчасъ этотъ вопросъ задала, мы сейчасъ съ тобою и по говоримъ. Какъ на твой взглядъ, нравится ли тебѣ Варя Малышева, вотъ что ходитъ къ намъ помогать по хозяйству?

— О, это такая милая, такая превосходная дѣвушка, что я очень желала бы имѣть такую дочь! съ восхищеніемъ отозвалась матушка о Варѣ.

— Голубушка! воскликнулъ отецъ Василій: вообрази что мы съ тобою однихъ и тѣхъ же мыслей объ этой дѣвочкѣ; вѣдь и я точь въ точь думалъ то же, что и ты, что, молъ, ахъ какъ хорошо бы имѣть такую дочку. И надумалъ я, мать, вотъ что: ты поговори-ка съ Варей, не согласится ли она переселиться къ намъ и быть у насъ пріемной дочерью, а я въ то же время поговорю объ этомъ съ ея матерью, Маѳой.

Матушка была очень рада привести въ исполненіе мысль батюшки и при первомъ же свиданіи съ Варей начала съ ней тотъ разговоръ, о которомъ ей говорилъ батюшка.

— Милая Варя, а что если бы мы съ батюшкой предложили тебѣ навсегда остаться жить у насъ какъ бы нашей дочерью! Согласилась бы ты на это?

Поглядѣла Варя на давно извѣстную уже ей батюшкину комнату, въ которой она сидѣла тогда и опять ей все понравилось въ этой комнатѣ: и свѣтленькіе обои, и чистый полъ, и оконныя занавѣски, и горшки цвѣтовъ, стоящіе на окнахъ. Мысленно пред-

ставила она передъ собою ихъ темную, ветхую лачужку и, конечно, при сравненіи отдала преимущество батюшкину дому. Но не смотря на то, что Варя была еще ребенокъ,—она не прельстилась сразу преимуществомъ батюшкина дома передъ ихъ ветхою лачужкой до того, чтобы тутъ же согласиться на житье въ домѣ батюшки.

Мысль о горячо любимой матери заставила дѣвочку удержаться отъ рѣшительнаго отвѣта.

— Да, отвѣчала Варя: мнѣ, матушка, очень нравится у васъ; у васъ все такъ хорошо, гораздо лучше, чѣмъ въ нашей бѣдной избушкѣ; всего у васъ много, но какъ же я буду жить у васъ безъ своей матери!?

— Къ матери своей ты можешь ходить, когда только пожелаешь! отвѣчала ей матушка.

— О, если такъ, то конечно, я согласна поселиться у васъ, если только мнѣ позволитъ это матушка.

— Отецъ Василій самъ хотѣлъ поговорить съ твоею матерью!

А отецъ Василій почти въ то же самое время, когда происходилъ описанный нами разговоръ между матушкою и Варею, подходилъ къ дому бабушки Марѳы. Онъ вошелъ

въ ея ветхую избушку и перекрестившись на образа, ласково сказалъ хозяйкѣ: здравствуй, Мароа!

— Здравствуйте, батюшка, здравствуйте! отвѣчала бабушка Мароа и поспѣшила поскорѣе подойти подъ благословеніе батюшки.

Удивилась Мароа при такомъ неожиданномъ посѣщеніи батюшки чрезвычайно и не знала, чѣмъ объяснить это посѣщеніе; поэтому она, не зная, что говорить, молча стояла передъ батюшкой и ждала, когда начнетъ говорить онъ.

— Садись, Мароа! Я съ тобою поговорить пришелъ!

Батюшка съ этими словами сѣлъ, Мароа же долго не хотѣла садиться; но батюшка, наконецъ, уговорилъ сѣсть и ее; она сѣла и стала внимательно слушать.

— Надумалъ я съ матушкою попадьей взять къ себѣ на воспитаніе твою дочку Варю. Скучно намъ вдвоемъ-то безъ дѣтей; есть у насъ сынъ одинъ, но ты сама знаешь, когда онъ у насъ бываетъ. Такъ вотъ мы и хотѣли бы постоянно имѣть у себя въ домѣ твою Варю, дѣвочка намъ очень понравилась. Мы ее стали бы воспитывать, какъ родную дочь; а когда она подросла бы, то дали бы ей приданое и выдали бы ее замужъ за хо-

рошаго человѣка. Вотъ и подумай теперь, Марѳа, согласна ли ты исполнить нашу просьбу.

Марѳа слушала батюшку и не вѣрила своимъ ушамъ.

„Господи, думала бѣдная старушка: да вѣдь это это для моей милой Вари счастье на цѣлую жизнь. Благодарю Тебя Господи, за Твои великія благодѣянія къ намъ грѣшнымъ“!

Жалко, положимъ, было Марѳѣ разставаться съ Варею; но какое же это разставаніе, подумала Марѳа: когда намъ придется жить въ одной и той же слободѣ, и когда мы можемъ видѣть другъ друга не одинъ разъ въ день.

— Батюшка, сказала Марѳа со слезами благодарности на глазахъ, я не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше вниманіе къ намъ бѣднымъ! Спасибо вамъ!

И съ этого же дня Варя поселилась въ домѣ батюшки.

ГЛАВА III.

Дорогой гость.

Осталась бабушка Марѳа одинокою въ своей бѣдной лачужкѣ и только и думала,

что о своихъ оставшихся въ живыхъ дѣтяхъ: о Петрѣ, находящемся на службѣ и о Варѣ, жившей въ домѣ батюшки. О Варѣ между прочимъ Мароѣ много думать не приходилось, такъ какъ она всегда была у нея на глазахъ, и Мароа видѣла, что ея любимой дочери въ домѣ батюшки живется очень хорошо; совсѣмъ другое дѣло Петръ. онъ частенько заставлялъ задумываться Мароу. Каково-то ему бѣдному живется въ чужой сторонѣ? Вѣдь, вонъ поглядишь всѣ слобожане, у которыхъ дѣти или родственники служатъ въ солдатахъ, посылаютъ имъ деньжонокъ; рада бы была и я послать что-нибудь моему бѣдному Петрушѣ, да откуда же мнѣ взять при моей бѣдности.

Но вотъ прошло нѣсколько времени послѣ того, какъ Петра отдали въ солдаты и Мароа къ великой своей радости получила отъ него письмо.

— Любезная и дорогая моя родительница, писалъ Петръ въ своемъ письмѣ, прежде всего прошу я у тебя твоего родительскаго благословенія, земно кланяюсь тебѣ и несчетное число разъ крѣпко цѣлую. А о себѣ увѣдомляю, что насъ, всѣхъ рекрутовъ привезли сначала въ губернію и тамъ стали назначать каждаго, кто куда годенъ; другихъ посылали

въ очень далекія стороны, и я очень боялся, какъ бы мнѣ не попасть вмѣстѣ съ ними. По дошли должно быть, матушка, твои молитвы обо мнѣ до Господа, и я вдругъ совсѣмъ неожиданно узналъ, что меня назначили въ Петербугъ и не куда-нибудь, а прямо въ царскую гвардію. Какъ только пришли мы въ Петербургъ и остановились въ казармахъ, въ которыхъ я и теперь стою, то тутъ же я увидалъ, что мнѣ куда лучше будетъ жить въ царской гвардіи противъ того, какъ жили мы съ тобою, матушка, у насъ въ слободѣ. Казармы наши свѣтлыя и чистыя и все равно какъ дворецъ какой-нибудь передъ нашей избушкой, а харчи, матушка, намъ и по буднямъ даютъ ѣсть такія, какихъ мы съ тобою по праздникамъ не ѣдали. Первое время мнѣ очень трудно было привыкать къ службѣ, такъ какъ я многаго не могъ понять; но теперь я, кажется, все понялъ и мнѣ только надо стараться; а за стараньемъ у меня, матушка, дѣло не станетъ; вѣдь ты сама же пріучала насъ къ труду и терпѣнію. Такъ что ты теперь обо мнѣ нисколько не безпокойся; я, слава Богу, живу хорошо. Занялся я еще на службѣ новымъ дѣломъ, которое полюбилъ крѣпко. Понравился я одному офицеру, который, дай Богъ ему за

это добраго здоровья, сталъ учить меня грамотѣ, и теперь въ свободное время я занимаюсь съ книжкою.

Неоднократно Мароа просила читать и перечитывать это письмо, выучила его почти что наизусть и въ теплыхъ молитвахъ всегда благодарила Господа за Его милости, оказываемыя ея сыну Петру.

За первымъ письмомъ отъ Петра пришло второе, потомъ третье, и Петръ началъ увѣдомлять бабушку Мароу о всемъ житьѣ бытьѣ по нѣскольку разъ въ годъ; писалъ онъ ей о томъ, какъ его сдѣлали старшимъ между рядовыми и назначили ефрейторомъ; писалъ и о томъ, какъ назначили его унтеръ-офицеромъ; но самымъ радостнымъ письмомъ для бабушки Мароы было то письмо, полученное ею отъ сына, въ которомъ онъ увѣдомлялъ ее, что его сдѣлали старшимъ надъ унтеръ-офицерами въ его ротѣ и произвели въ фельдфебеля.

Старушка съ этимъ письмомъ отправилась къ одному своему дальнему родственнику, который самъ служилъ долгое время въ солдатахъ и только недавно пришелъ въ деревню, получивъ чистую оставку.

— Прочитай, дядя Семенъ, письмо, что получила я отъ своего солдата сыночка, про-

сила бабушка Марѳа своего родственника солдата.

— Давай, отчего же не почитать. Спасибо начальству, оно меня выучило грамотѣ на службѣ!

Началъ служивый читать письмо бабушкѣ Марѳѣ, но онъ не просто только читалъ ей, а и дѣлалъ объясненія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Вотъ дошелъ онъ до того мѣста письма, гдѣ Петръ писалъ о томъ, что его произвели въ фельдфебеля, прочиталъ онъ объ этомъ и вскинулъ глаза на стоявшую передъ нимъ бабушку Марѳу.

— А понимаешь ли ты, старуха, что это такое значитъ фельдфебель?— спросилъ онъ Марѳу.

— Гдѣ же, кормилецъ, мнѣ понимать это?

— Ну, такъ молись же Богу за своего сына и за его начальство, которое произвело его въ фельдфебеля. Фельдфебель по солдатской службѣ дѣло великое; одинъ только фельдфебель на цѣлую роту и полагается, и твой сынъ, если будетъ онъ только по прежнему стараться служить вѣрою и правдою Государю и своему начальству, то можетъ дослужиться до офицерскаго чина.

„Слава Тебѣ, Господи!“ —думала старушка

Марѳа, слушая такія объясненія стараго служиваго.

Стали потомъ отъ Петра приходить и не пустыя письма; нѣтъ да нѣтъ онъ и пришетъ матери то рубликъ, то два, и Марѳа радовалась этимъ посылкамъ не столько потому, что они доставляли ей нѣкоторую помощь, а сколько потому, что по этимъ посылкамъ она могла заключить, что ея сыну живется на недурно.

Радовалась теперь Марѳа за судьбу своихъ дѣтей и постоянно благодарила Бога, подавшаго дѣтямъ такое благополучіе.

Однажды какъ-то ранымъ рано утромъ еще не успѣла Марѳа вполнѣ управиться по хозяйству, какъ въ ея окно кто-то постучалъ; посмотрѣла Марѳа въ окно и увидала, что подъ окномъ стоитъ десятскій. „Чтобы это такое ему ко мнѣ за дѣло?“—подумала Марѳа.

— Эй, бабушка Марѳа, прибери ка навозъ да солому, что противъ твоей избушки валяется!—закричалъ десятскій; велѣно, чтобы вся дорога была въ исправности и чтобы вездѣ была чистота, потому что поѣдутъ многіе генералы по этой дорогѣ, а можетъ быть и самъ царь поѣдетъ!

Марѳа вышла изъ избушки и тотчасъ же исполнила приказаніе десятскаго, потомъ,

управившись по хозяйству, она отправилась въ одинъ знакомый домъ, гдѣ у нея была какая-то работа. Не много времени провела Марѳа за работою, скоро кончила ее и снова вернулась въ свою ветхую избушку, гдѣ и предалась своему любимому занятію—молитвѣ.

Долго молилась бабушка Марѳа; какъ вдругъ дверь въ ея избушку неожиданно отворилась, и бабушка Марѳа такъ и обомлѣла, когда, обернувшись, увидала, что къ ней вошелъ какой-то генералъ, сопровождаемый денщикомъ.

— Прости, бабушка, что помѣшалъ тебѣ молиться Богу!—ласковымъ и пріятнымъ голосомъ сказалъ генералъ.

— Ничего, родимый, ничего, кормилецъ! Богу молиться всегда и вездѣ можно; успѣю я еще и помолиться.

— А позволь-ка, мнѣ, бабушка, переодѣться да пообчиститься у тебя; а то въ дорогѣ-то я запылился.

— Что-же, родимый?! Спасибо тебѣ, что ты не погнушался моей бѣдной и убогой хатой!

Денщикъ началъ быстро помогать генералу переодѣваться; а генералъ во время переодѣванія завелъ съ бабушкою Марѳою разговоръ.

— Одна живешь, старушка, въ этой избушкѣ?—по прежнему ласково спросилъ генералъ.

— Въ избушкѣ-то одна, а на свѣтѣ бѣломъ не одна, есть у меня двое дѣтокъ!

— Гдѣ-же твои дѣти?

— Дочка на воспитаніи у здѣшняго батюшки, а сынъ на службѣ, у самого Царя въ гвардіи!

— Какъ же это такое, ты вдова, а у тебя единственный сынъ служитъ въ солдатахъ?

На этотъ вопросъ генерала бабушка Марѳа подробно разсказала ему о всей своей жизни и всѣхъ несчастіяхъ, постигшихъ ее послѣ смерти мужа.

— Да, старушка, много ты перенесла горя и я удивляюсь какъ только ты могла потерпѣть столько!

— Что дѣлать, баринъ батюшка?! Видно такъ было угодно Богу! Его святая воля!

— А что, бабушка, небось рада бы была, если бы твой сынъ вышелъ теперь со службы и явился бы опять къ тебѣ жить съ тобою?!

— Вѣстимо, была бы рада! Только Богъ съ нимъ, пускай его прослужитъ, сколько полагается.

— Это почему же?

— А потому, батюшка—баринъ, что не

все то бываетъ хорошо, что дѣлается по нашему, по бабьему. Вѣдь я вотъ хотѣла бы, чтобы мой сынъ вернулся и много найдется такихъ, которыя захотѣли вернуть своихъ сыновей, а потомъ много нашлось бы такихъ, которые захотѣли бы вернуть своихъ мужей да братьевъ. Такъ только дай бабамъ волю, они пожалуй бы всѣхъ солдатъ разобрали бы у нашего царя-батюшки.

— Ишь ты какъ о царѣ-то думаешь! Ты, должно бчть любишь царя, бабушка?

— Какъ же мнѣ не любить царя? Да и какой же такой настоящій русскій и истинный христіанинъ не любитъ царя?—отвѣчала Марѳа:

— Ну, а сынъ-то твой пишетъ тебѣ?

— Ахъ, кормилецъ, не только пишетъ, а еще иногда и деньжонокъ присылаетъ на мою долю. Вѣдь вотъ какой онъ у меня, мой Петя-то, не даромъ же его и начальство любитъ и отличаетъ отъ другихъ. Вотъ онъ въ послѣднемъ-то письмѣ писалъ ко мнѣ, что его поставили ужъ набольшимъ надъ ундерами, сдѣлали фельдфебелемъ.

— А въ какомъ полку служитъ твой сынъ?

— Не знаю, баринъ батюшка, какъ у нихъ тамъ полки-то прозываются; да Петя-то ко мнѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, какъ отвѣ-

чать ему и прописываетъ свой полкъ. Если хочешь, то возьми вотъ погляди и увидишь, въ какомъ полку служитъ Петя.

Съ этими словами бабушка Марѳа подала генералу одно изъ писемъ своего сына.

Генералъ началъ внимательно читать письмо Петра, потомъ онъ вынулъ свою памятную книжку и записалъ въ ней что-то, а затѣмъ, отдавая письмо бабушкѣ Марѳѣ, сказалъ ей:

— Да, бабушка, по этому письму видно, что твой сынъ служитъ царю хорошо и тебя любитъ. Я часто по дѣламъ бываю въ томъ полку, гдѣ служитъ твой сынъ и, если хочешь, передамъ ему поклонъ отъ тебя!

— Будь такъ добръ, баринъ-батюшка, если только не побрезгуешь! съ поклономъ отвѣчала Марѳа.

— Ну, спасибо, бабушка, что приняла меня! Поклонъ твоему сыну я передамъ непремѣнно; а это возьми вотъ отъ меня для поправки своего хозяйства! сказалъ генералъ, подавая Марѳѣ нѣсколько ассигнацій. Онъ, сопровождаемый денщикомъ, вышелъ изъ избушки, а бабушка Марѳа не знала, какъ и благодарить его за его ласку и щедрость и тутъ же дала себѣ слово поминать его на молитвахъ.

ГЛАВА IV.

Радость у батюшки.

Переселилась Варя въ домъ батюшки и зажила тамъ совершенно новою жизнію. Какъ только она пришла въ домъ, то матушка въ первой-же ночи приготовила ей отдѣльную, очень уютную и очень чистенькую постель. Потомъ съ слѣдующаго же дня матушка вмѣстѣ съ Варей занялись приготовленіемъ для Вари бѣлья и платьевъ. Варя оказалась очень хорошей помощницей для матушки въ этой работѣ, такъ какъ она уже шила и дома. Но матушка не довольствуясь тѣмъ, что знала дѣвочка, сообщила ей много новаго и вообще расширила ея познанія въ рукодѣліи, такъ что Варя время, употребленное для шитья бѣлья и платья, употребила съ двоякою пользою: во-первыхъ послѣ этого времени у ней было хорошее бѣлье и платье, во-вторыхъ въ это время она гораздо увеличила свои познанія въ шитвѣ и могла теперь работать даже и чистую работу.

Но не объ одномъ только томъ заботились добрые батюшка и матушка, чтобы Варя была у нихъ хорошо одѣта и знала рукодѣліе. Самыя главныя ихъ старанія были направлены къ тому, чтобы сначала выучить Варю, а

потомъ дать ей совершенно приличное образованіе.

Оба они, какъ батюшка, такъ и матушка съ большимъ стараніемъ принялись учить Варю грамотѣ. Варя оказалась такою понятливою въ этомъ отношеніи, что только радовала своего учителя и свою учительницу и не заставляла ихъ желать ничего лучшаго. Съ успѣхомъ выучилась Варя читать и писать. и такъ какъ она очень любила читать различныя книжки и проводила за чтеніемъ довольно долгое время, то она скоро начала читать очень бойко. Теперь сидя за столомъ во время чаепитія отецъ Василій уже не читалъ самъ вѣдомостей ижурналовъ, а съ удовольствіемъ слушалъ, какъ ему съ матушкой читала ихъ Варя.

Очень часто ходила Варя и къ своей матери въ ея ветхую лачужку, гдѣ много бѣсѣдовала съ бабушкой Марѳой о своемъ житьѣ бытьѣ у батюшки.

Приходя къ бабушкѣ Марѳѣ и зная ея любовь къ слушанію священнаго писанія, Варя всегда захватывала съ собою изъ батюшкина дома какую-нибудь духовную книгу, которую и читала матери. Слезы стояли на глазахъ бабушки Марѳы, когда она слушала бойкое, толковое и внятное чтеніе своей дочки, кото-

рая иногда даже объясняла ей многія мѣста изъ прочтеннаго.

Узнали сосѣди и сосѣдки о томъ, что Варя, приходя къ матери, читаетъ ей различныя хорошія и душеспасительныя книжки и стали просить бабушку Марѳу, чтобы она позволила имъ приходить въ ея избушку въ то время, когда у ней бываетъ Варя.

— Дозволь, пожалуйста, бабушка Марѳа; просили ее сосѣди: и намъ послушать, какъ и про что читаетъ тебѣ Варя, а мы тебѣ за это когда-нибудь тоже пригодимся!

И полно, родимые, отвѣчала Марѳа: если Господь Богъ далъ талантъ Варѣ, и она такъ хорошо читаетъ, такъ вѣдь это не для меня только одной; милости просимъ, милости просимъ ко мнѣ, когда угодно. Спасибо, что не брезгуете моей лачужкой!

И вотъ съ этихъ поръ, какъ только сосѣди и сосѣдки Марѳы видали, что къ ней идетъ Варя съ книжкою въ рукахъ, то они тотчасъ же торопились поскорѣе попасть въ бѣдную лачужку бабушки Марѳы и послушать тамъ чтенія Вари.

Диву дались слобожане, слыша бойкое и отчетливое чтеніе Вари и часто вслухъ хвалили ее.

— Ишь ты вѣдь какъ бойко читаетъ!

— Какъ ножемъ отрѣзаетъ!

— Дьячку нашему не уступитъ!

— Дьячку?! Вотъ сказалъ тоже! У нашего старика Пахомыча изъ трехъ словъ только одно поймешь, а эта погляди-ка, какъ явственно читаетъ ровно бы говоритъ. Каждое слово тебѣ въ ротъ кладетъ!

Вскорѣ Варя, благодаря тому, что всегда охотно читала желающимъ, а также и потому, что она нисколько не гордилась передъ своими прежними знакомыми, не смотря на то, что жила теперь въ домѣ батюшки и одѣвалась постоянно, какъ барышня, сдѣлалась общею любимицею жителей слободы.

Отецъ Василій и матушка не могли нарадоваться глядя на свою пріемную дочку и слыша объ ней самые лестные и самые восторженные отзывы со всѣхъ сторонъ; про бабушку же Марѳу и говорить нечего, она иногда глазамъ своимъ не вѣрила, видя свою дочь всегда прекрасно одѣтою и напоминащею какъ по костюму, такъ и образованію настоящую барышню, а не дочь бѣдной крестьянской вдовы.

— Образованіе, прежде всего, мать, Варѣ надо дать надлежащее образованіе, говаривалъ отецъ Василій, такъ какъ я для нея женихомъ выберу также непремѣнно человѣка

образованнаго! И со стороны отца Василія слова о необходимости образованія для Нади не были только одними словами. Онъ и на самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе подростала Варя тѣмъ болѣе занимался съ нею различными науками и тѣмъ болѣе давалъ ей книгъ для чтенія изъ своей обширной библіотеки. Матушка съ своей стороны кромѣ того, что отлично выучила Варю рукодѣлію, выучила ее также очень недурно играть на фортепіано.

Варя подростала и подростала и вступила наконецъ въ такіе года, когда ее можно было уже выдавать замужъ; а потому отецъ Василій вмѣстѣ съ супругой своей начали подыскивать жениха для своей названной дочери.

— Я, мать, съ тѣмъ и буду выдавать замужъ Варю, чтобы мужу ея отдать свое мѣсто и чтобы намъ съ тобою прожить до конца дней своихъ у молодыхъ. Поэтому намъ необходимо пріискивать изъ духовнаго званія! говорилъ отецъ Василій супругѣ.

— Ахъ, какъ бы это хорошо было, отецъ Василій, и мы были бы покойны на старости лѣтъ. Только попался бы Варѣ въ мужья человѣкъ хорошій!

— Ну, ужъ это конечно! И мнѣ и тебѣ при выборѣ жениха надо, какъ говорится, глядѣть въ оба и не торопиться. Да и не къ

чему вообще для насъ излишняя торопливость, вѣдь наша Варя не перестарокъ какой-нибудь.

Слухъ о томъ, что отецъ Василій желаетъ выдать замужъ свою пріемную дочь, очень скоро распространился не только среди окрестнаго духовенства, но почти что среди духовенства цѣлой губерніи и Варѣ положительно не было отбоя отъ жениховъ. Да оно и было отчего Варѣ имѣть такъ много желающихъ получить ея руки. Варя была замѣчательная красавица собою и сверхъ того получила очень хорошее образованіе, что было въ то время не особенно частымъ явленіемъ среди женщинъ духовнаго званія; много привлекало жениховъ и то обстоятельство, что отецъ Василій давалъ за Варей хорошее приданое, да еще вдобавокъ отдавалъ свое мѣсто; а Покровскій приходъ считался однимъ изъ лучшихъ по всей епархіи. Познакомившись съ нѣсколькими женихами отецъ Василій и матушка были заняты теперь тѣмъ, что наводили справки объ образѣ жизни и о поведеніи этихъ жениховъ, желая во что бы то ни стало отдать свою названную дочь за лучшаго и достойнѣйшаго изъ объявившихся жениховъ.

Стояла середина лѣта; на дворѣ и даже въ комнатѣ было душно и жарко и всѣ искали убѣжища въ какомъ-нибудь тѣнистомъ мѣстечкѣ.

Варя сидѣла въ тѣнистомъ садикѣ, находящимся передъ домомъ отца Василія и читала книгу. Вдругъ она замѣтила, что на крылечко батюшкина дома входитъ какой-то очень изящно одѣтый молодой человѣкъ, съ небольшою черною бородкою и съ роскошными черными вьющимися волосами. При первомъ же взглядѣ Варя залюбовалась на незнакомца. „Кто бы это такое могъ быть? подумала Варя, но только, какъ это видно по костюму его, это долженъ быть какой-нибудь пріѣзжій изъ столицы!"

— Послушайте!—громко сказала Варя незнакомцу, подходя къ рѣшетчатой оградѣ садика; вы вѣроятно къ отцу Василію; такъ батюшки теперь дома нѣтъ и двери въ домъ заперты!

— Развѣ уѣхалъ куда-нибудь отецъ Василій?—спросилъ незнакомецъ, вѣжливо приподнимая шляпу.

— Нѣтъ, онъ занимается въ саду!

— А гдѣ же матушка?

— Матушка ушла провѣдать одну больную прихожанку!

— Очень жаль, что я не засталъ ихъ.

— А вамъ ихъ очень надо?

— Помилуйте, я къ нимъ пріѣхалъ изъ Москвы!

— Тогда потрудитесь подождать; я сейчасъ же схожу и призову къ вамъ батюшку.

— Будьте такъ любезны!

— Варя торопливыми шагами пошла отыскивать батюшку, а молодой незнакомецъ присѣлъ на крылечко, закурилъ папиросу и подумалъ; кто бы эта такая могла быть эта прелестная барышня!

— Батюшка, васъ тамъ какой-то пріѣзжій спрашиваетъ! сказала Варя подходя къ отцу Василію, работавшему въ саду.

— Сейчасъ, голубушка, погоди мы пойдемъ съ тобою вмѣстѣ! —сказалъ отецъ Василій, отирая потъ, градомъ катившійся у него по лбу и по щекамъ. Они пошли по направленію къ дому. Кто бы это такое могъ быть? подумалъ отецъ Василій, внимательно разглядывая сидящаго на крыльцѣ незнакомца, котораго онъ замѣтилъ, подходя къ дому. „Вѣроятно еще какой-нибудь новый женихъ для Вари!"

— Здравствуйте, чѣмъ могу быть полезенъ?—спросилъ отецъ Василій, подходя къ незнакомцу.

— Батюшка, отецъ!—Да не ужели вы неузнали меня?—вскрикнулъ молодой человѣкъ, спрыгнувъ съ крылечка и подбѣгая къ отцу Василію.

— Ваня! Ванюша; милый мой!—воскликнулъ въ свою очередь отецъ Василій, принимая въ свои объятія сына, воротившагося къ нему послѣ долгой разлуки. Да какъ же узнать тебя?! Вѣдь мы съ тобой года четыре не видались, а погляди ка, какъ измѣнился ты за это время. Пойдемъ скорѣе въ домъ, теперь скоро и мать придетъ! Ахъ, да что же это такое? я на радостяхъ такъ растерялся, что позабылъ васъ познакомить другъ съ другомъ. Варя! Это мой сынъ Иванъ Васильевичъ, о которомъ мы съ матушкой и съ тобою такъ часто говорили. Ваня! это наша названная дочь и твоя названная сестра, Варвара Ивановна, о которой, кажется, мы не забывали упоминать тебѣ ни одномъ въ письмѣ! Молодые люди поклонились и подали руки другъ другу.

— Прошу другъ друга любить да жаловать! говорилъ между тѣмъ отецъ Василій.

Скоро, дѣйствительно, пришла и матушка и вскорѣ послѣ обычныхъ родственныхъ привѣтствій вся семья отца Василія сидѣла въ тѣнистомъ садикѣ, за столомъ, уставленнымъ чайнымъ приборомъ и различными вареньями и закусками. Между всѣми, сидящими за столомъ шелъ общій довольно оживленный разговоръ: Иванъ Васильевичъ разспрашивалъ своихъ родителей и свою названную сестру

о новостяхъ, которыя случились въ его отсутствіе въ слободѣ; старики же и особенно Варя такъ и осыпали вопросами Ивана Васильевича о Москвѣ и о московской жизни.

ГЛАВА V.

Женихъ и невѣста.

На другой день послѣ пріѣзда Ивана Васильевича къ своимъ родителямъ всѣ живущіе въ домѣ отца Василія, вставъ по обыкновенію рано утромъ, принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Матушка съ Варей стали хлопотать по хозяйству, и хлопотъ имъ на это утро было достаточно, такъ какъ матушка хотѣла для пріѣзда своего сына приготовить вполнѣ торжественный, праздничный обѣдъ, а Вѣра дѣятельно помогала ей въ ея хлопотахъ.

— Пойдемъ-ка, сынокъ, въ садъ, поговоримъ тамъ о чемъ-нибудь! сказалъ отецъ Василій сыну, пусть онѣ занимаются по хозяйству.

Только было отецъ съ сыномъ надѣли шляпы, чтобы итти въ садъ, какъ къ крыльцу батюшкина дома подъѣхала крестьянская телѣга, и вышедшій изъ телѣги крестьянинъ сталъ просить батюшку немедленно ѣхать съ нимъ для совершенія требы въ деревню, на-

ходящуюся верстахъ въ пяти отъ Покровской слободы.

— Нечего, сынокъ, дѣлать! съ грустью сказалъ отецъ Василій. Исполненіе обязанностей пастыря — прежде всего, побудь тутъ безъ меня, пока я съѣзжу.

Отецъ Василій немедленно уѣхалъ съ пріѣхавшимъ крестьяниномъ; а Иванъ Васильевичъ, оставшись одинъ, взялъ какую-то книгу изъ множества, привезенныхъ имъ съ собою, и отправился въ садъ.

Выбравъ себѣ довольно укромное мѣстечко подъ одною раскидистою тѣнистою яблонею, Иванъ Васильевичъ легъ на мягкую траву и началъ было читать захваченную книгу. Но ему читалось что-то не особенно охотно, поэтому онъ, закрывъ книгу, отложилъ ее въ сторону и закуривъ папиросу началъ мечтать. Сначала мечты Ивана Васильевича были крайне неопредѣленны, потомъ онъ вдругъ вспомнилъ о Варварѣ Ивановнѣ и задумался о ней.

— Вотъ она какова моя названная-то сестра, думалъ между прочимъ Иванъ Васильевичъ: прелестная, восхитительная дѣвушка. Признаться откровенно, такъ я и не думалъ встрѣтить въ этакой глуши такую дѣвушку. Почему же я никогда не думалъ много о своей названной сестрѣ ранѣе, хотя дѣйствитель-

но въ каждомъ письмѣ мнѣ отецъ писалъ о ней и расхваливалъ ее. Но вѣдь я предполагалъ встрѣтить простую, обыкновенную крестьянскую дѣвушку и больше ничего; а теперь вижу передъ собою образованную, вполнѣ приличную, могущую быть даже въ самомъ хорошемъ обществѣ барышню. А какъ она красива собою, я такихъ красавицъ, кажется, и не встрѣчалъ никогда! фу, ты! проговорилъ вслухъ Иванъ Васильевичъ: да ужъ не влюбился ли я въ мою названную сестру Варвару Ивановну?! А потомъ, черезъ нѣкоторое время мысленно произнесъ: „а пожалуй, что и такъ“.

Видя, что чтеніе ему рѣшительно не идетъ на умъ, Иванъ Васильевичъ пошелъ побродить по слободѣ и ея окрестностямъ, чтобы навѣстить дорогія для него по воспоминаніямъ дѣтства мѣста. Долго ходилъ онъ и наконецъ совершенно утомленный на обратной дорогѣ къ дому подошелъ къ рѣкѣ.

— Вотъ славно будетъ выкупаться теперь! подумалъ, увидавъ рѣку, Иванъ Васильевичъ; и освѣжусь я отлично и усталость съ меня, какъ рукой сниметъ; подумавъ это, Иванъ Васильевичъ тотчасъ же раздѣлся и съ наслажденіемъ началъ купаться въ прозрачныхъ, свѣжихъ струяхъ родной рѣчки. Выкупавшись

и почувствовавъ себя совершенно бодрымъ, Иванъ Васильевичъ пошелъ къ дому. Только что онъ началъ подходить къ дому, какъ до слуха его донеслись звуки фортепіано.

— Кто бы это могъ такъ прелестно играть? подумалъ Иванъ Васильевичъ; матушка играетъ гораздо хуже. Войдя въ домъ, онъ вошелъ въ ту комнату, въ которой стояло фортепіано и увидалъ, что на немъ играла Варвара Ивановна.

Варвара Ивановна не замѣтила вошедшаго въ комнату Ивана Васильевича; а онъ нарочно, чтобы не смутить ее не давалъ ей знать о своемъ присутствіи и сѣвъ около стѣны на стулѣ, сидѣлъ молча, съ наслажденіемъ слушая прекрасную игру Варвары Ивановны.

Варвара Ивановна, не подозрѣвая, что ее кто-нибудь слушаетъ, начала играть какую-то старинную пѣснь и играя, запѣла своимъ прекраснымъ голосомъ. Какъ очарованный сидѣлъ Иванъ Васильевичъ, слушая восхитительную игру и пѣніе, наконецъ онъ не выдержалъ, громко захлопалъ въ ладоши и вскрикнулъ!

— Браво, Варвара Ивановна, браво.

— Ахъ! воскликнула та и обернувшись, сильно смутилась, увидавъ Ивана Васильевича.

— Вы, Варвара Ивановна, играете восхи-

тительно! Я и въ Москвѣ рѣдко слыхалъ такую игру, про голосъ же вашъ и говорить нечего!

— Зачѣмъ вы такъ хвалите меня?—смущенно проговорила Варвара Ивановна.

— Помилуйте! Да развѣ такихъ похвалъ вы стоите?! —отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

Съ этихъ поръ между молодыми людьми завязалось очень близкое знакомство, перешедшее потомъ въ дружбу, которая въ свою очередь не замедлила перейти въ любовь. Молодые люди, оставаясь наединѣ, часто мечтали другъ о другѣ и давно уже порѣшили каждый, что одинъ изъ нихъ страстно любитъ другого.

Но открытаго признанія пока еще не было, хотя оно и не замедлило вскорѣ совершиться.

Иванъ Васильевичъ былъ назначенъ на должность въ одинъ изъ дальнихъ городовъ Россіи, ему приходилъ уже срокъ ѣхать туда, но онъ подъ разными предлогами отклонялъ свою поѣздку и съ грустью думалъ, что рано ли или поздно, но ему придется уѣхать изъ Покровской слободы.

— Неужели же я уѣду отсюда и навсегда разстанусь съ Варей, которую мои родители, того и гляди, выдадутъ за мужъ, такъ какъ они уже давно хлопочутъ объ этомъ! думалъ

Иванъ Васил[illegible] Варвары Ива-
[illegible] что Ивану Васильевичу пред-
стоитъ скорый отъѣздъ изъ дому въ [illegible]
[illegible] сердце ея обливалось
кровью, [illegible] что
ей [illegible] приходится видѣться съ
Иваномъ Васильевичемъ только послѣдніе дни.
Однажды послѣ обѣда, когда [illegible] ма-
[illegible] отдыхать, все-
[illegible] люди [illegible]
Иванъ Васильевичъ [illegible]
сказывать Варварѣ Ивановнѣ о своей
[illegible] жизни, но [illegible] вдругъ [illegible]
[illegible] разсказъ прервался, [illegible]
чикъ о чемъ-то задумался.
О чемъ вы, Иванъ Васильевичъ, такъ не-
ожиданно задумались? спросила его Варвара
Ивановна; вѣроятно вспомнили о чемъ-нибудь
очень печальномъ?
Нѣтъ, Варвара Ивановна, [illegible]
[illegible] печальнаго [illegible] не было, и если бы-
[illegible] что никогда не [illegible] хотя
[illegible] мнѣ предстоитъ [illegible] очень
печальное.
Если бы я имѣла право спросить васъ
объ этомъ, [illegible] Вы [illegible]
[illegible] печальнаго предстоитъ вамъ.
О! [illegible] вы имѣете на это право,

[illegible] самъ [illegible] уже собирался [illegible] вамъ объ этомъ!

— Тогда, будьте такъ любезны, и скажите мнѣ, въ чемъ заключается ваша предстоящая печаль?

— Печаль моя заключается, Варвара Ивановна, ни въ чемъ другомъ, какъ въ предстоящей разлукѣ съ вами.

Молодая дѣвушка смутилась, краска [illegible] ей въ лицо, она нагнула голову и ничего не отвѣчала.

— Варвара Ивановна, Варя, [illegible] Варя! Если бы ты только знала, какъ я люблю тебя; я полюбилъ тебя съ перваго же раза, какъ только увидалъ [illegible] потомъ [illegible] любовь моя [illegible] становилась [illegible] сильнѣе [illegible]. Теперь же [illegible] не могу [illegible] безъ тебя! Умоляю тебя, скажи мнѣ, отвѣчаешь ли ты мнѣ [illegible] взаимностью? [illegible] ты принадлежать мнѣ и назваться моею женою? Я же [illegible] съ первой встрѣчи [illegible] принадлежу тебѣ [illegible] всѣми моими помыслами.

— Но Варвара Ивановна, [illegible] продолжала молчать.

[illegible]

[illegible] Иванъ Васильевичъ [illegible]

[illegible] Да! [illegible]

[illegible] Ивана Васильевича.

Влюбленные слились въ одномъ долгомъ поцѣлуѣ.

ГЛАВА VI.

Пріѣздъ гвардейца офицера.

Иванъ Васильевичъ и Варвара Ивановна не замедлили сказать о своей взаимной любви батюшкѣ съ матушкой. Извѣстіе это было для стариковъ большею неожиданностію и они въ первое время не знали, что имъ дѣлать: печалиться или радоваться.

Печалиться имъ было о чемъ: — оба они, какъ отецъ Василій, такъ и матушка для того только такъ и ходили за Варей, для того только и старались дать ей образцовое образованіе, чтобы имѣть ее постоянно на глазахъ, какъ утѣху въ своей старости. Для того-же отецъ Василій хотѣлъ выдать Варю за мужъ непремѣнно за кандидата на духовный санъ и отдавалъ жениху свое очень доходное мѣсто. Теперь же, когда старики неожиданно узнали о взаимной любви Ивана Васильевича и Варвары Ивановны, обстоятельства дѣла совершенно мѣнялись и рушились надежды стариковъ видѣть въ Варѣ утѣшеніе своей старости. Возьметъ ее за себя за мужъ

ихъ сынъ и увезетъ ее далеко, далеко отъ нихъ и снова они будутъ жить одинокими.

Но съ другой стороны было чему и радоваться старикамъ. Они очень любили своего единственнаго сына и, конечно, отъ души желали ему всякаго счастія и благополучія. А развѣ это для него не большое счастіе и благополучіе будетъ, если онъ будетъ имѣть такую жену, какъ ими же самими воспитанная Варя?! такъ думали между собою старики. Да, лучше Вари ихъ сыну никогда и нигдѣ невѣсты не сыскать; а за Варей ихъ Ваня будетъ, какъ у Христа за пазушкой!"

И старики, отказавшись отъ радости видѣть утѣхою своей старости Варю, стали думать о счастьѣ своего сына и самой же Вари. Они благословили своего родного сына и свою названную дочь и дали имъ свое согласіе на вступленіе ихъ въ бракъ.

Бабушка Мареа, узнавъ о такомъ счастьѣ, выпавшемъ на долю ея любимой дочери съ утра до вечера въ каждую свободную минуту молились Богу, и глаза ея всегда были полны слезами радости и благодарности. А молиться Богу бабушкѣ Мареѣ теперь было когда, такъ какъ она съ самаго того дня, какъ Иванъ Васильевичъ и Варвара Ивановна были объявлены женихомъ и невѣстою, по желанію

Ивана Васильевича поступила свою бѣдную избушку и перешла на жительство въ домъ отца Василія.

Насталъ наконецъ и давно ожидаемый [illegible] день свадьбы. Къ отцу Василію съѣхалось со всего уѣзда множество гостей преимущественно, конечно, духовенство съ своими семействами. Отецъ Василій сдѣлалъ на славу свадьбу своего любимаго сына и своей любимой названной дочери, а потому онъ нисколько не думалъ о расходахъ. Передъ тѣмъ, какъ отправлять молодыхъ къ вѣнцу, отецъ Василій, прослезившійся не много въ первый разъ, подошелъ къ своему сыну и сказалъ ему:

— А вѣдь справедлива [illegible] пословица, которая говоритъ, что [illegible], а потомъ пойдешь, найдешь. Думалъ ли я о томъ, когда такъ много старался дать лучшее образованіе Варѣ, что не иное что я дѣлаю, а для себя же работаю; приготовляю своему сыну жену, а себѣ — милую дочку.

— Спасибо вамъ, батюшка! сказалъ Иванъ Васильевичъ, почтительно поцѣловалъ руку отца.

Вѣнчаніе совершилось въ томъ же Петровскомъ храмѣ, гдѣ Варя нѣкогда приняла святое крещеніе и гдѣ она [illegible]

литься со времени самаго ранняго дѣтства, при чемъ обрядъ вѣнчанія совершалъ настоятель сосѣдняго прихода, дальній родственникъ Ивана Васильевича. По возвращеніи молодыхъ изъ храма домой, начался пиръ, къ которому давно уже было все приготовлено.

Среди пира, во время самаго разгара его къ крыльцу батюшкина дома, весело гремя колокольчиками и бубенчиками, подъѣхала почтовая тройка. Всѣ присутствующіе кинулись къ окнамъ, чтобы поглядѣть, кто такой новый гость, и къ общему удивленію своему увидали, что изъ экипажа вышелъ незнакомый никому гвардейскій офицеръ.

Офицеръ, войдя въ комнату, оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ и затѣмъ громко произнесъ:

— Извините, что я совершенно неожиданно и для себя и для васъ явился сюда непрошенымъ и незванымъ гостемъ. Позвольте, рекомендоваться: я — Петръ Ивановъ Малышевъ, братъ невѣсты.

— Петя, ты ли это? Вотъ кого Господь привелъ мнѣ увидѣть и въ какомъ видѣ на старости лѣтъ! раздался голосъ бабушки Марѳы, и она пробравшись чрезъ нарядную толпу гостей, со слезами на глазахъ кинулась на шею своего сына.

Прошли первыя минуты родственныхъ вос-

торговъ, Петръ Ивановичъ перезнакомился со всѣми и по общей просьбѣ присутствующихъ, такъ интересовавшихся перемѣною, происшедшею къ его судьбѣ, разсказалъ имъ слѣдующее:

— При поступленіи на службу, какъ я уже неоднократно писалъ объ этомъ матушкѣ, Богъ привелъ мнѣ счастіе служить съ такимъ офицеромъ, который полюбилъ меня и по добротѣ своего характера началъ заниматься моимъ образованіемъ; благодаря этому и благодаря тому старанію, съ какимъ я всегда относился къ службѣ, меня сравнительно черезъ очень короткое время произвели въ фельдфебеля. Но и будучи фельдфебелемъ я не кидалъ занятій науками, которыя мнѣ потомъ очень пригодились.

Разъ какъ-то нашему полку былъ назначенъ смотръ въ присутствіи самого Государя. Во время смотра государь подошелъ къ нашей ротѣ, посмотрѣлъ въ свою записную книжку и громко вызвалъ меня. Я съ трепетомъ вышелъ къ государю, несказанно дивясь тому, какъ онъ могъ знать мое фамиліе.

— Федьфебель Малышевъ! громко сказалъ государь, я былъ въ гостяхъ у твоей матери и привезъ тебѣ отъ нея поклонъ! Не хочешь ли ты воротиться къ ней на родину?

— Никакъ нѣтъ Ваше Императорское Величество! отвѣчалъ я Государю.

— Почему же?! Ты стало быть не любишь свою мать?

— Ваше Императорское Величество, я очень люблю свою мать и очень желалъ бы повидаться съ нею, но я такъ же люблю и службу Вашему Императорскому Величеству и не желаю оставлять ее, потому что благодаря ей я изъ темнаго человѣка сдѣлался человѣкомъ образованнымъ и не теряю надежды научиться еще чему-нибудь, продолжая службу.

— Молодецъ! сказалъ государь. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ моего ротнаго командира и долго разспрашивалъ его о моемъ поведенiи, о старанiи и о моихъ занятiяхъ науками.

Ротный командиръ давалъ государю самые одобрительные обо мнѣ отвѣты.

— Фельдфебель Малышевъ, за твое старанiе, за твою любовь къ службѣ и за любовь твою къ старухѣ матери я награждаю тебя чиномъ офицера и даю тебѣ отпускъ, что бы ты могъ повидаться съ матерью. По моему приказанiю тебѣ дадутъ денегъ, половину которыхъ ты истрать на себя, а половину отдай матери для поправленiя ея хозяйства.

Получивъ отпускъ, я помчался въ Покровскую слободу и, подъѣхавъ къ домику матери, узналъ отъ сосѣдей, что она на свадьбѣ у моей сестры.

Такъ закончилъ свой разсказъ Петръ Ивановичъ.

Тогда-же по предложенію отца Василія былъ отслуженъ молебенъ о драгоцѣнномъ здравіи императора, такъ любящаго и такъ щедро награждающаго своихъ подданныхъ.

Заключеніе.

Долго еще жили потомъ отецъ Василій съ своей супругою бабушкою Марѳой и неоднократно имѣли они возможность принимать у себя дорогихъ гостей: Ивана Васильевича съ Варварой Ивановной и офицера Малышева.

Какъ Иванъ Васильевичъ, такъ и Петръ Ивановичъ служили усердно; начальство видѣло и цѣнило ихъ труды и усердіе и повышало ихъ чинъ за чиномъ, такъ что передъ смертью своей бабушка Марѳа имѣла въ своей роднѣ двухъ генераловъ: сына генерала-майора Петра Ивановича Малышева и зятя дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича Смирнова.

Могла ли когда-нибудь бѣдная, обиженная своими родными и оставшаяся послѣ мужа безъ крова съ многочисленными дѣтьми вдова Мароа думать о томъ, что у нея въ роднѣ будутъ два генерала?! Но это оказалось возможнымъ и именно потому, что *за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ.*

Конецъ 2-ой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-ой части.

КНИЖНОЙ ТОРГ[illegible]
А. Д. САЗОНОВ[illegible]
Никольская ул., у Владимирскихъ [illegible]

Поступили въ продажу [illegible]

[illegible]

Ежедневный [illegible] Воскресныхъ и Праздничныхъ [illegible]

[illegible]

Сборникъ [illegible] Архіепископа Феодосія [illegible]

[illegible]

Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта [illegible]

[illegible]

Житіе и чудотворенія [illegible] Саровскаго [illegible]

[illegible]

Кирилова Книга [illegible]

[illegible]

Собраніе проповѣдей [illegible] церкви [illegible]

[illegible]

